

Г.АЛЬТОВ

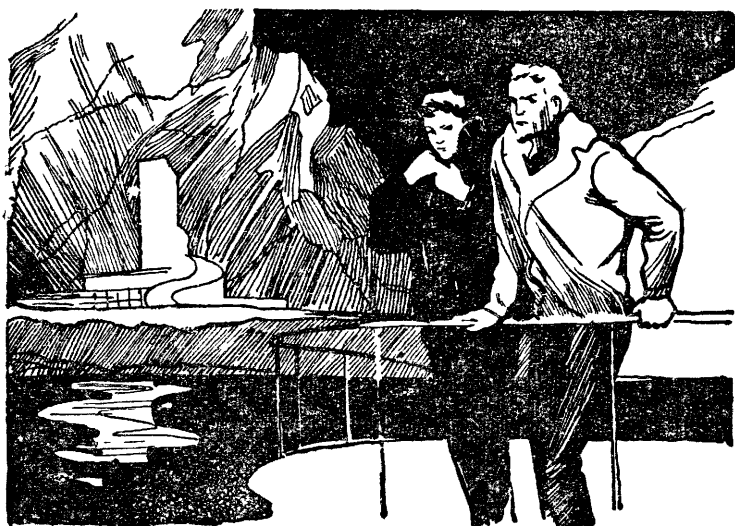
ЛЕГЕНДЫ О ЗВЕЗДНЫХ КАПИТАНАХ

ДЕТГИЗ • 1961

Рассказы

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства Просвещения РСФСР
МОСКВА 1961

«БОГАТЫРСКАЯ СИМФОНΙΑ»

Над озером светили звезды. Старик долго смотрел в небо, потом сказал юноше:

— Здесь, в горах, звезды производят странное впечатление. Словно лампы в пустом зале. Люди ушли, а они светят... старательно и бесполезно.

Его собеседник был слишком молод, чтобы угадать за этими словами настроение. Он ответил:

— Судя по звездам, будет ясная погода. Значит, мы увидим ионолёт. — И, озабоченно взглянув на небо, он добавил: — Погода тут меняется каждый час.

Наступило молчание.

Старик думал о том, что все созданное человеком несет на себе отпечаток человеческой судьбы. Города, машины, книги рождаются и стареют — иногда быстрее,

иногда медленнее, — узнают славу и забвение. «Нет, не все стареет, — мысленно возразил он себе. — Идеи, ведущие людей, искусство... да, конечно, искусство... музыка...» Повинуясь каким-то своим законам, его мысли обратились к музыке. Он вспомнил «Богатырскую симфонию» Бородина — она звучала здесь сорок лет назад.

Тогда он был молод. И ракетодром — теперь почти всеми забытый — тоже был молод. В горах Кавказа, на перевале Буздаг, люди выбили в скале гигантскую чашу, наполнили ее водой, построили легкие здания, прилепившиеся к крутым склонам гор. Отсюда уходили к звездам ионные ракеты, управляемые автоматами. Они возвращались через много лет сюда же, на ракетодром Буздаг. Впрочем, возвращались не все. Из семидесяти двух ракет вернулись пятьдесят четыре. Пятьдесят пятая — ее отправили первой — должна была опуститься на ракетодром в этот вечер. Она совершила дальний рейс, к звезде Ван-Маанена, и сорок лет спустя возвращалась на Землю.

Юноша (он шел рядом со стариком, рядом — и чуть позади) знал об этих временах из старой кинохроники. Он родился, когда о ракетодроме Буздаг начали уже забывать. Ракеты с ионными двигателями быстро устарели, их сменили термоядерные корабли. Мощные, обладающие колоссальной энергией, они легко преодолевали сопротивление атмосферы. Они не нуждались в высокогорных ракетодромах, и стартовая площадка в горах Кавказа опустела. Лишь изредка здесь появлялись люди, чтобы встретить возвращающиеся ракеты. Сначала каждое возвращение было событием. Потом это стало только историей. Новые средства исследования — термоядерные ракеты, дифракционные телескопы, гравитационные анализаторы — приносили намного более важные сведения о Космосе, чем ионолёты, безнадежно устаревшие, неуклюжие в глазах людей XXI века.

Юношу послали встретить пятьдесят пятый ионолёт. На ракетодроме Буздаг три года не было людей. Юноша привел в порядок оборудование, проверил приборы и неделю скучал. Днем он уходил в горы, по вечерам читал книги. Чтение забавляло его. Он привык к микрофильмам, и тяжелые, громоздкие книги с пожелтевшими от времени страницами представлялись ему чем-то

очень древним. Это был прошлый век — романтический, героический, жестокий и трогательно наивный XX век. И, когда под вечер прилетел старик, юноша не удивился. Старик тоже был частью XX века. Он строил первые ионолёт, он создал гравитационный анализ, его имя носили океан на Венере и горная вершина на Меркурии. Со школьной скамьи юноша знал жизнь старика. Во всяком случае, он считал, что знает, ибо молодая его память цепко держала заученные даты и факты. Он помнил год рождения старика, мог перечислить полеты и открытия, знал все работы — от классической «Теории гравитации» до новейших исследований звездной динамики. Юноша видел старика в сотнях микрофильмов, и ему казалось, что этот человек так же спокоен и тверд, как скалы, в которых он когда-то построил ракетодом.

С гор тянуло не сильным, но очень холодным ветром. Озеро парило. Вода в нем обогревалась пущенным сорок лет назад ядерным реактором и не замерзала даже в самые суровые морозы. Пар, извиваясь, полз над водой, медленно, нехотя поднимался вверх, образуя прозрачное, сиреневое от света люминесцентных ламп марево. Черная вода плескалась у бетонного парапета, по которому шли два человека.

Старик не замечал ветра. Он даже не поднял воротника меховой куртки. Он прислушивался к плеску воды и улавливал в нем звуки «Богатырской симфонии». Музыка была у него в душе, но ему казалось, что он слышит ее извне, со стороны. Его спутник прятал руки в глубоких карманах куртки и озабоченно поглядывал на небо.

Внезапно старик остановился, взглянул на часы. Юноша по-своему понял это и поспешно произнес:

— Да, осталось сорок минут. Надо включить контрольную систему радиопосадки.

Он чувствовал какую-то робость в присутствии старика. Ему хотелось вернуться в ярко освещенное, теплое здание, к пульту управления.

Старик внимательно посмотрел на него и сказал:

— Идите. Я останусь здесь. И вот что... скажите... радиофоны работают?

Юноша улыбнулся:

— Радифоны? Здесь их нет. Здесь только старинная репродукционная сеть и эти... как их... аппараты магнитной записи.

Старик кивнул головой:

— Именно это я имел в виду. Попробуйте разыскать вторую симфонию Бородина. Я хотел бы послушать... Ну, идите же...

Старик продолжал свой путь вокруг озера. Теперь он шел совсем медленно, часто останавливался. Он сохранил зоркость и хорошо видел в полумраке. За цепью опоясывавших озеро фонарей была темнота, но старик угадывал там крутые скалы, выветрившиеся, изъеденные солнцем и водой. Он видел потерявшие листву деревья, выщербленный временем бетонный парапет, потрескавшийся асфальт дорожек... «Старость, — грустно подумал он. — Здесь все старо. Горы, ракетодром и я». Он видел себя: высокий, худой, слегка ссутулившийся человек с длинными седеющими волосами. «Старость, — повторил он. — Семьдесят два года. А тогда было тридцать два... тридцать два».

Он остановился и долго смотрел на озеро. Он смотрел на клубящийся пар и ни о чем не думал. Мысли ушли куда-то вглубь — смутные, неопределенные, только угадываемые, подобно бегу воды в глубине замерзшего ручья.

Старик был спокоен. Он вообще был очень выдержанным и спокойным человеком. Его считали сухим, черствым еще в молодости. Он обладал ясным, склонным к анализу умом. Для тех, кто его мало знал, это подавляло все остальное. Так раскаленные солнечные пятна кажутся черными — по контрасту с еще более горячей солнечной поверхностью.

Старик вглядывался в дрожащее над озером марево и вспоминал то, что было здесь сорок лет назад. Он попытался представить все последовательно, но не смог: строй мыслей ломался, память упорно выталкивала какие-то незначашие пустяки. Он почему-то очень ясно вспомнил — совершенно ясно, как будто это стояло перед глазами, — шарф, который был на ней в тот вечер. Шарф был пестрый — с красными корабликами, желтыми маяками, синими птицами, — прозрачный, воздушный. «Нет, — подумал он, — это произошло не здесь.

Я начал говорить, меня перебили... да, да, главный механик... потом мы вдвоем отошли к скамейке...»

Он спустился с бетонного парапета. Огляделся. Скамейки не было. Но старик знал, что она стояла здесь. Он нагнулся, присел и увидел вмятины в асфальте — следы, оставленные ножками скамейки. Улыбнулся, потрогал асфальт. Сквозь трещины пробивалась трава, уже ссохшаяся, желтая.

Он хотел вспомнить слова, сказанные в тот вечер, — и не мог. Он даже не мог припомнить, что она тогда ответила. Он твердо помнил только одно: над ракетодромом звучала «Богатырская симфония». Слова — такие важные и бессмысленные — не запомнились. Осталась музыка. Потом каждый год в этот день они слушали «Богатырскую симфонию». Каждый год — если он был на Земле и если они встречали этот день вместе. Так прошло тридцать шесть лет. Она умерла, и он остался один.

Старик гладил желтую, жесткую траву, пробившую асфальт.

Ты помнишь, ворон, девушку мою?
Как я сейчас хотел бы разрыдаться!
Но это больше невозможно. Стар...

Где-то над головой послышалось шипение, треск. Он поднялся, сердце тревожно билось. Старый репродуктор выдохнул музыку.

Шелест ветра, плеск воды, далекие и непонятные ночные звуки — все растворилось в музыке. Старик неподвижно стоял, глядя в пространство. Он слышал торжественный марш, и, повинаясь мелодии, в памяти мгновенно возникали и так же мгновенно исчезали картины — то раздолбые, широкие, буйные, то задумчивые и грустные. Музыка была мягкой, прозрачной, светлой. Она создала между прошлым и настоящим какую-то невидимую, но явственную преграду. Воспоминания постепенно отодвинулись, окрасились в спокойные тона.

Старик закрыл глаза, голова у него кружилась. Музыка накатывалась шумящими волнами, смешивала в водовороте звуков радость и грусть, смывала с души наносное, тяжелое. Старик почувствовал прикосновение к плечу, вздрогнул, обернулся. Перед ним стоял юноша:

— Ракета.

Старик не ответил, и юноша громко повторил:

— Ракета!

Они пошли к озеру. Звонящие аккорды арфы еще дрожали в сыром, морозном воздухе. Ветер усилился. Вода набегала на пологий бетонный парапет и с шумом стекала в черный провал озера.

В небе, над ущельем, возникли две яркие желтые точки, заискрились, стерли окрест лежащие звезды. Ракета быстро снижалась. Ионный двигатель оставлял едва видимый след — слабое, сразу же гаснущее голубоватое мерцание. Вспыхнули, на миг ослепив старика и его спутника, прожекторы, установленные в скалах. Синеватые лучи осветили звездный корабль. С этого момента старик перестал слышать музыку.

Он видел ракету сорок лет назад. С тех пор все изменилось, но ракета осталась такой же, какой была. Желтый свет ее бортовых фар смешивался с синими лучами прожекторов, и продолговатый бескрылый корпус казался зеленым. Блестела ажурная сеть антенн. Отчетливо слышалось потрескивание, сопровождающее работу ионного двигателя.

Это потрескивание вызвало у юноши улыбку. Он много раз видел снимки ракеты, знал ее устройство: она была невелика — шестьдесят метров в длину и три метра в поперечнике — и походила на мощные ядерные звездолеты не больше, чем лодка на корабль. Обтекаемая форма? Он видел в ней только свидетельство того, что ракете нелегко было пробивать земную атмосферу. Тонкие стержни антенн напоминали о заре радиолокации. И, наконец, потрескивание ионного двигателя вместо слитного, звонящего гула ядерных кораблей.

— Какая нелепая конструкция! — сказал он.

— Да, — ответил старик, глядя на ракету, — она запущена очень давно. Но у таких ракет есть преимущество — они успели пройти большой путь. Ядерные звездолеты ушли еще сравнительно недалеко от Земли, а эти... они многое видели.

«В этом преимущество старости, — добавил он мысленно. — Многое пройти, видеть, понимать...»

Ракета повисла в двух метрах над озером. Вода хлопотала под дюзами двигателя. Помедлив, ракета верти-

кально опустилась в воду; по озеру побежали волны. Старик и юноша отошли от края парапета — вода залила бетон. Потом ракета вынырнула — уже горизонтально — и закачалась на волнах.

— Все! — воскликнул юноша. Он был взволнован, хотя вряд ли смог бы объяснить, что именно его взволновало. — Сейчас должен отделиться робот-разведчик. Уже время...

— Не спешите, — усмехнулся старик. — Это же старая конструкция! Она не умеет торопиться. Двадцатый век.

Над корпусом ракеты поднялась поблескивающая в лучах прожекторов небольшая полусфера, отделилась от ракеты, повисла в воздухе и заскользила над водой. Робот уходил в сторону от места, где стояли люди.

— Что такое? — удивился юноша. — Почему робот не идет к нам?

Старик пожал плечами:

— Это значит, что он опускался на чужую планету.

Юноша не понял. Он смотрел то на старика, то на удаляющийся, похожий на большую черепаху робот.

— Ну и что же? — нетерпеливо спросил он.

— Заражение чужими микроорганизмами, — коротко пояснил старик.

— Но на ракете есть...

— Есть, — перебил старик. — Но ведь это же старая, «нелепая» конструкция. Не очень надежная. Нужна контрольная обработка.

Он помолчал, поднял воротник куртки.

— Мы можем идти, — сказал он, все еще глядя на ракету. — Робот сам придет в монтажный зал.

Юноша чувствовал себя виноватым. Он понимал, что старик мог обидеться на эти слова — «нелепая конструкция». Старик строил ракету, и, сколько бы ни прошло времени, для него она, пожалуй, не была нелепой. Но свойственный юности эгоизм не мог этого принять всерьез. Старое в глазах юноши означало примитивное, нерациональное, нелепое.

— Робот неплохо устроен, — сказал юноша. Ему хотелось как-то загладить свою ошибку. — Этот глайдерный принцип остроумен.

— Вздор! — отрезал старик. — Робот безнадежно устарел.

Старик не был обижен. Он просто не обратил внимания на неосторожно сказанные юношей слова. И сейчас еще, разговаривая, он думал о чем-то своем.

— С роботами пришлось много повозиться, — продолжал он. — Разведка неизвестных планет представляла очень жесткие требования. Первые роботы имели гусеничный ход. От них, впрочем, сразу отказались. Роботы проваливались в трещины, падали с крутых склонов... Тогда было много разных проектов — вплоть до самых нелепых. Какой-то болван, например, сконструировал шагающие роботы. Да, не улыбайтесь, именно шагающие. Стальной, похожий на бочонок корпус и три пары металлических суставчатых ног. Это была вопиющая глупость! Первый паровоз тоже имел ноги, но зачем спустя полтора века повторять старые ошибки? Я входил в комиссию, которая испытывала этих жуков. Они вязли в болотах, застревали в лесах, не могли взобраться на отвесную скалу... Потом мы построили роботы-глайдеры. Как этот, на ракете. Компрессоры создавали воздушный подпор, и роботы легко скользили над землей. Нам казалось, что это верх конструктивного изящества. — Он тихо рассмеялся. — А через пять лет появились электрофорные установки, потом гравитационные двигатели...

По узкому металлическому трапу они поднялись в монтажный зал — невысокое здание, прилепившееся к выступу скалы. В зале было пусто. У стен стояли кресла (старик отметил: новые, не те, что были здесь когда-то). В центре зала возвышался пустой стенд. Холодно светили люминесцентные лампы. Старик показал юноше, где включается отопление.

Не снимая куртки, он прошел в угол и сел. Только сейчас юноша увидел, как стар этот человек. И он вдруг понял, ощутил, что старость эта вызвана не годами (старик был крепок), а чем-то иным. Юноша боялся громких слов. Поэтому он не решился заменить слово «старость» другим словом — «мудрость».

— Я принесу кофе, — сказал он.

— Да, пожалуйста, — безразлично ответил старик.

В зале тихо жужжали лампы. Старик думал о том вечере. Тогда на стенде стоял робот, а они, шесть чело-

век, сидели здесь, в креслах. Это была старая традиция — сидеть перед разлукой. И, хотя все они оставались, а улетал только робот, шесть человек молча сидели в этом зале. Их уже нет — тех, кто сидел с ним рядом. Они были смелые люди, умные, дерзкие, отважные, — и хорошие друзья. Теперь их именами названы горные вершины на Меркурии: шесть гор, расположенных рядом, — так, как они когда-то сидели.

Старик не чувствовал грусти. Музыка смыла грусть, и сейчас он просто вспоминал, спокойно, словно перелистывал книгу о чужой, но интересной жизни. Старик понимал, что никогда не вернется сюда. Через несколько дней ему предстояло уйти на новом корабле в дальний рейс — к той звезде, откуда вернулась разведывательная ракета. Он даже догадывался, с чем именно ракета вернулась. Он мог не прилетать сюда, информацию передали бы по радио. Но он хотел дышать воздухом своей юности — и не жалел, что поступил так. В душе его весь вечер звучала «Богатырская симфония», и он знал, что могучие и светлые звуки будут отныне сопровождать его.

Только очень сильный человек может на склоне лет, не дрогнув, встретиться лицом к лицу с юностью. Такие встречи губят трусов, но дают силу людям мужественным. Старик же имел ясный ум и непреклонную волю.

Юноша принес кофе. Старик снял куртку и молча пил горячий, пахнувший югом напиток. Отхлебывая, он задумчиво смотрел в маленькую чашку: черная жидкость заставила его вспомнить озеро — стартовую площадку ионолётгов. Мысли его вернулись к ракете. Он подумал, что на этот раз сведения, добытые роботом, могут оказаться интересными.

— Звезда Ван-Маанена, — пробормотал он. — Что ж, если мои предположения верны...

— Вы что-то сказали? — поспешно спросил юноша.

Старик посмотрел на него. В прищуренных глазах под седеющими бровями мелькнула лукавая усмешка:

— Вы любите неожиданности?

— Да! — быстро ответил юноша. В голосе его прозвучал вызов.

«Молодец! — подумал старик. — Хороший парень.

Он чем-то похож на...» И старик вспомнил одного из своих давних друзей.

— Сегодня будут неожиданности, — сказал он.

— Если вы знаете это...

— Я знаю, — перебил старик, — но мне неизвестно, какие именно.

Он хотел сказать еще что-то, но не успел: послышалось гудение, и в полуоткрытую дверь боком протиснулась стальная полусфера — робот. Старик отдал юноше пустую чашку. С деловитым гудением робот проскользнул к стенду, опустил точно на середину. Гудение прекратилось.

Два человека молча смотрели на машину, побывавшую на чужой планете. На полированном корпусе робота поблескивали герб, надпись «СССР» и дата отлета.

— Союз Советских Социалистических Республик, — прочел юноша.

— Да, — отозвался старик. — Тогда еще социалистических. Через шесть лет это слово было заменено другим — «коммунистических».

— Это произошло за двенадцать лет до моего рождения, — взволнованно произнес юноша.

Он подошел к металлической черепахе и осторожно притронулся к выпуклому гербу. Потом обошел вокруг робота.

— Что это? — воскликнул он. — Ничего не понимаю! Посмотрите! Здесь надпись...

Старик встал, включил верхний свет. На гладком боку робота было вырезано: «Люди Земли, мы...» Юноша вопросительно смотрел то на старика, то на надпись. Наконец он не выдержал.

— Это сделали там, — произнес он. Голос его дрогнул. — На планете были разумные существа...

— Разумные? — задумчиво переспросил старик. — Нет, не просто разумные. Они намного умнее нас. И в этом загадка.

— Какая? — нерешительно спросил юноша.

— Они не успели закончить надпись, — думая о своем, сказал старик. — Да, тут углубление — это начало следующего слова.

— Почему же они умнее нас? И какую загадку вы имели в виду? — настойчиво спрашивал юноша. Его

удивляло спокойствие старика и раздражала неторопливость, с которой тот осматривал робот.

Старик вернулся к креслу.

— Ракета достигла звезды Ван-Маанена, — негромко, словно размышляя вслух, сказал он. — У этой звезды, как мы знаем, единственная планета. Ракета стала на время ее спутником. Сначала наблюдение велось бортовыми приборами, потом вспомогательная ракета опустила вниз робот. По заранее составленной программе робот должен был пробыть на планете пятьдесят часов. Если бы он не вернулся через пятьдесят часов, ракета отправилась бы в обратный путь. Теперь вы понимаете? Эти существа за пятьдесят часов смогли понять устройство робота и по его аппаратуре освоили язык.

— Это невозможно! — воскликнул юноша.

Старик пожал плечами:

— Посмотрите еще раз на надпись. Обратите внимание, что фраза не окончена, но тем не менее составлена из очень аккуратно вырезанных букв. Не забыты даже мельчайшие и, в общем, ненужные детали. Эти существа не знали, что можно упрощать буквы. Они в точности скопировали их с печатающего аппарата робота.

— Но у робота есть и звукофиксирующая система, — сказал юноша. — Почему же... Ага, понимаю! Значит, мы услышим их голоса?

— Нет. — Старик улыбнулся. — Мы услышим голос робота. Звукофиксирующая система не предназначалась для записи внешних звуков. Она отражала только то, что суммировал электронный мозг робота. Поэтому голос должен принадлежать роботу, но слова могут быть подсказаны... ими.

— Вы говорили о какой-то загадке.

— Да. Они умнее нас. У них более старая культура. Может быть, они ушли на тысячи, миллионы лет вперед. Так почему же мы прилетели к ним, а не они к нам? В этом и состоит загадка.

Старик сидел нахохлившись в углу. Юноша нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Ему хотелось скорее вскрыть робот, но старик молчал, погруженный в свои мысли, и юноша не решался его беспокоить. Юноша не понимал старика. Зачем нужно размышлять, когда мож-

но просто открыть робот и все узнать? На месте старика он именно так бы и сделал. «Почему он медлит?» — подумал юноша. — Если отгадает, это не будет иметь значения, потому что все равно робот сам скажет. А если ошибется. . . будет стыдно. Нет, я бы не стал думать!»

Старик думал. Он решал задачу, как шахматист, — на много ходов вперед. Из каждого сделанного им вывода вытекали новые и новые следствия, логические построения становились сложными и извилистыми. Потом все сразу упростилось. Он нащупал верный путь — и мысли рванулись вперед.

— Они прилетят к нам! — воскликнул старик, вскочив и оттолкнув кресло. — Наверное, они уже летят!

Юноша растерянно смотрел на старика. Юноша знал, что палеонтологи могут по одной найденной кости восстановить облик давно вымершего животного, но он не ожидал, что с такой уверенностью по одному факту можно прийти к столь далеким и неожиданным выводам.

— Лупу! — приказал старик, подходя к роботу.

Юноша замешкался, и старик недовольно повторил:

— Я сказал — лупу! Ну, живее!

Лупу отыскиали в одном из ящиков вделанного в стену шкафа. Старик внимательно осмотрел полированную поверхность робота.

— Отлично сделано! — одобрительно прошептал он. — Металл почти не успел размягчиться.

Он бросил лупу на кресло и быстро прошелся из угла в угол. Юношу удивила походка старика — легкая, упругая, молодая.

— Вскройте робот, — распорядился старик, вернувшись к креслу.

Он сидел, играя лупой и улыбаясь. Юноша долго возился с крышкой робота. Наконец, щелкнув, крышка приподнялась.

— Посмотрите, сняты ли внутренние пломбы, — сказал старик.

-- Пломб нет!

— Ага, — удовлетворенно кивнул старик, — значит, они полностью разбирали робот. — Он пожевал губами. — И нет никаких следов огня?

— Огня? — удивленно переспросил юноша. — Нет, конечно, нет. А почему?

— А потому, — четко, раздельно сказал старик, — что этот робот был в мире из антивещества. Да, да, не перебивайте! Звезда Ван-Маанена, ее единственная планета, существа, населяющие эту планету, — все из антивещества. Те же атомы, те же молекулы, но вместо электронов — позитроны, вместо протонов, нейтронов, мезонов — антипротоны, антинейтроны, антимезоны.

— Робот бы взорвался, встретив антивещество, — возразил юноша. — Вещество и антивещество аннигилируют, превращаясь в энергию.

Старик усмехнулся.

— Вы неплохо знаете азы физики, — ехидно сказал он. — Однако вы забыли аксиомы философии. Развитие никогда не останавливается. Существа, живущие на этой планете, прошли больший путь, чем мы. Они научились — правда, совсем недавно — предотвращать взрывы при соприкосновении тел из вещества и антивещества.

— Недавно? — переспросил юноша.

— Да, недавно, — твердо повторил старик. — Именно поэтому они не могли прилететь на Землю раньше.

Юношу била нервная дрожь. Он с трепетом смотрел на старика — тот представлялся ему ясновидцем.

— Включите звукофиксирующую аппаратуру, — сказал старик.

Юноша нажал кнопку. Тотчас же послышалось негромкое шипение. Четкий, но абсолютно невыразительный голос произнес: «Включены приборы. Вспомогательная ракета отделилась от ионолёта и идет в атмосферу планеты. Снаружи наблюдается повышенная концентрация позитронов...»

Голос умолк. Едва слышно шуршала лента магнитофона. Потом тот же лишенный всякой выразительности голос продолжал: «Высота над поверхностью планеты шесть тысяч километров. Концентрация позитронов быстро растет. Корпус робота нагревается... Высота четыре тысячи километров. Атмосфера планеты состоит из антивещества. Возвращение невозможно — отказали рули ракеты... Три тысячи километров. Плавится металл на выступающих частях робота. Приборы работают нормально. Через тридцать секунд произойдет взрыв...»

Старик, вцепившись в подлокотники кресла, подался

вперед. Юноша неподвижно замер у робота. Бесстрастный голос кибернетической аппаратуры, сообщавший о неминуемой гибели робота, производил жуткое впечатление.

«Две тысячи семьсот километров, — вновь заговорил робот. — Ракета окружена плотной магнитной завесой. Повышение температуры прекратилось. Спуск продолжается... Тысяча пятьсот километров. Напряженность магнитной завесы растет. Температура упала до нормальной. Приборы работают исправно. Киносъемка и фотографирование невозможны: в магнитном поле вышли из строя затворы объективов... Пятьсот километров. Силы... неизвестные силы отклоняют ракету к полюсу...»

Наступило длительное молчание. Юноша склонился над роботом. Медленно раскручивалась узкая лента магнитофона. Внезапно раздался протяжный, высокий, похожий на удар гонга звук. Он затих, и вновь послышался голос робота. Это был тот же самый, лишенный всякой выразительности «машинный» голос, с педантичной четкостью выговаривающий каждый звук. Но паузы между словами и фразами увеличились. И сами фразы были построены как-то иначе — напряженно, не всегда правильно. В них было что-то неуловимо чужое, нечеловеческое.

«Люди планеты Земля, — с расстановкой говорил металлический голос. — Вы молоды и дерзки. Вы послали свой автомат, исходя из предпосылок, что планета, на которую он опустится, будет в общем похожа на вашу планету. Вы снабдили автомат примитивным оружием, устроили ненужную систему радиоперехвата управления. Такой автомат может оказаться полезным только в том маловероятном случае, если подвергаемая исследованию планета населена существами, имеющими одинаковый с вами уровень развития. Однако, по принципам вероятности, о которых вы имеете некоторое начальное представление, половина обитаемых планет должна обогнать вас в развитии. В этих случаях автомат окажется малопригодным.

Именно так и произошло. Но вы не учли и другое обстоятельство. Ваш мир состоит — по отношению к нашему — из антивещества. Автомат должен был погиб-

нуть. Однако мы за последний отрезок времени научились сохранять антивещество.

Здесь мы дадим вам необходимые пояснения. Наше знание установило, что все близкие к нам звезды и планетные системы, в том числе и ваша система, состоят относительно нас из антивещества. Наши космические корабли уже в давнее прошлое время путешествовали по Вселенной, но не могли опуститься ни на одну планету. Планетные же системы, состоящие относительно нас не из антивещества, пока находятся вне пределов досягаемости наших кораблей.

Наша планета часто подвергалась разрушительному действию метеоритов из антивещества. Мы научились изолировать эти метеориты магнитным полем и опускать их вниз. Так был опущен и ваш автомат, который мы сначала приняли за метеорит.

Высокое знание, свойственное существам нашей планеты, позволило разобрать автомат и понять его устройство. Это было трудной задачей, потому что наши знания ушли вперед на тысячи отрезков времени, называемых годами. Ваш автомат оказался слишком простым, чтобы мы его легко поняли. Здесь сложилась ситуация, для которой мы не нашли слова в лексиконе автомата.

— Это слово «юмор», — усмехнулся старик. — Робот его не знает.

Нам было трудно и сложно, — продолжал бесстрастный металлический голос, — разобрать автомат, сделанный из антивещества, и понять его устройство настолько, чтобы сообщить вам об этом. В нашем распоряжении осталось мало времени. Здесь мы должны сказать, что считаем нерациональной вашу систему отсчета времени. Мы знаем, что год есть период обращения планеты Земля вокруг звезды Солнце. Но зачем делить период вращения Земли на двадцать четыре части, а каждую из этих частей — на шестьдесят отрезков? Это неразумно, ибо вы в других случаях применяете десятичную систему счисления. Однако мы поняли, что автомату необходимо вернуться к доставившей его космической ракете через пятьдесят единиц времени, называемых часами. Нам хватило этого времени, чтобы составить ясное представление об уровне развития жизни на планете Земля. Мы получили обширные сведения о ваших

знаниях. Мы убедились, что уровень вашего развития достаточен, чтобы можно было без опасений послать к вам корабли. Мы сделаем это в близком будущем. Снабженные магнитной защитой, наши корабли смогут безопасно находиться в антимире. Кроме того...»

Голос умолк. Потом послышался снова. Паузы между словами уменьшились.

«Люди планеты Земля, через несколько шестидесятих долей часа автомат должен отправиться в обратный путь. Приняты необходимые меры для безопасного возвращения автомата на корабль. Мы...»

Магнитофон с шипением перематывал ленту. Голос сбавлялся.

— Все, — негромко сказал старик, откидываясь на спинку кресла. — Можете выключить.

Наступила тишина. Старик, закрыв глаза, думал. Юноша, покусывая губы, нетерпеливо ходил по залу. Юноша был крайне взволнован. Ему еще никогда в жизни не приходилось первому узнавать столь новое в науке И, хотя ракету запустили другие люди, хотя другие существа говорили голосом робота, он волновался так, будто все открытия были сделаны им самим. В голове его вихрем проносились мысли: куда сообщить, что сообщить... Но старик молчал, и юноша заставлял себя ждать, пока старик заговорит. Юноша чувствовал какой-то безотчетный трепет перед стариком. И, если бы сейчас старик начал вдруг говорить на языке этой далекой планеты, юноша не удивился бы.

Старик открыл глаза. Поднялся.

— Утром вы отправите вниз все приборы, — сказал он. Голос его был звонок. — Все приборы робота и ракеты. Предварительную информацию я передам сегодня.

— Радио? — быстро спросил юноша.

Старик посмотрел на него, покачал головой:

— Нет. Я вылечу сейчас на своем орнитоптере.

— Ночью? — Юноша был поражен. — Через эти горы, в такую погоду? Я вызову ракетоплан, вас доставят...

— Не нужно, — улыбнулся старик. — Поверьте, ничего не случится.

И такова была сила этого человека, что юноша ментально успокоился. Теперь он знал, твердо знал:

действительно ничего не случится. Он не мог сомневаться в словах старика.

По узкому, покачивающемуся трапу они опустились на освещенную люминесцентными лампами дорожку. Старик поднял воротник куртки, огляделся, глубоко вдохнул морозный воздух.

— Вы идите, — сказал он, протягивая юноше руку. — Идите.

Юноше хотелось проводить старика, но он не посмел ослушаться. Обычно очень разговорчивый, он в этот вечер незаметно для самого себя перенял манеру старика — говорить мало, точно, продуманно.

— Есть! — коротко ответил юноша.

Старик шел по аллее, обсаженной низкорослым кустарником. Он смотрел вперед и рассеянно улыбался своим воспоминаниям. Перед его мысленным взором возникали лица тех, кто сорок лет назад вместе с ним послал отсюда ракету. От имени этих людей он встретил сегодня вернувшийся корабль. Он мог сказать им: «Друзья, наш труд не был напрасен...»

У озера старик остановился. Ветер гнал по озеру черные волны, раскачивал похожий на тушу кита ионолёт. Старик кивнул ракете, как близкому и живому другу. «Нелепая конструкция... — с нежностью подумал он. — Как же тебе трудно было там, в Космосе!..» Он поднял руку, прощаясь с ракетой. Круто повернулся и пошел к тому месту, где когда-то стояла скамейка.

«Да, это было здесь, — подумал он. — Теперь я точно помню. А слова... Ну конечно... Она просто ничего не ответила. Ни одного слова — иначе я бы помнил. Она положила руку мне на грудь — и ничего не сказала. Наверное, ей помешала музыка. Помешала?..»

Он усмехнулся.

«Теперь я изменю маршрут экспедиции, — думал он. — Уже нет смысла лететь к звезде Ван-Маанена. Я пойду в короткий рейс, чтобы вернуться на Землю. Надо увидеть тех... Да, они умны... умны... Я вернусь на Землю. И сюда еще вернусь... Все уходящие в Космос берут с собой частицу земли. Да, конечно, я возьму ее отсюда».

Он опустился на колени, достал платок и аккуратно

положил в него несколько сбившихся в комья кусочков земли, обломок асфальта, пучок желтых, жестких травинок. Потом встал и быстро, не оглядываясь, зашагал к площадке, на которой стоял его орнитоптер.

Юноша видел все из окна центрального здания ракетодрома. Он стоял в неосвещенной комнате у широкого окна и смотрел вниз. Он неожиданно почувствовал, как к горлу подступает тяжелый ком.

Старик скрылся за поворотом аллеи, а юноша, прижавшись лбом к стеклу, смотрел на озеро. Ионолёт отсюда казался совсем крошечным. «Как древние доспехи, — подумал юноша. — Они давно устарели, погнулись, проржавели, но... но их носили богатыри!» Это слово заставило его вспомнить о симфонии Бородина. Быстро, не зажигая света, он включил магнитную запись и вернулся к окну.

Над ракетодромом, заглушая печальный свист ветра, гремели мощные аккорды. В лучах прожекторов сверкнули, словно поднятые ввысь музыкой, тонкие крылья орнитоптера.

Юноша смотрел в небо.

ПОЛИГОН «ЗВЕЗДНАЯ РЕКА»

Четыре дня над испытательным полигоном «Звездная река» висели сырые, размытые тучи. Ветер гнал по бетонным дорожкам мутные потоки воды. Неожиданно со Станового Нагорья потянуло холодом, и в полночь выпал снег. Он таял, ложась на мокрую землю. Снежинки выживали только на металлических фермах Излучателя. Тонкими и точными штрихами снег обвел линии Излучателя, и двухсотметровое сооружение проступило на фоне черного неба, как гигантский чертеж.

Человек шел, машинально обходя лужи. Он не смотрел вниз, потому что за семнадцать лет до мельчайших подробностей изучил эту дорогу. Семнадцать лет — в одно и то же время, в любую погоду — он проходил этой дорогой. Он уже давно отвык обращать внимание на окружающее. Он замечал лишь то, что было связано с его мыслями: ту или иную часть конструкции Излучателя, иногда — что-то в комплексе сооружений Энерго-

центра. Но в эту ночь он смутно ощущал неуловимую перемену в окружающем. Это мешало думать.

Он остановился и внимательно посмотрел по сторонам. Снега он просто не заметил — это его не интересовало. В Излучателе за последнюю неделю ничего не изменилось. В окнах главного корпуса Энергоцентра, как обычно, горел свет, там дежурили круглосуточно. Невысокие холмы, окружавшие со всех сторон полигон, сейчас не были видны: они сливались с ночным небом.

Несколько минут человек, прищурившись, смотрел вдаль. Он уже понимал, что изменилось. Исчезло желтое зарево над холмами. Зарево это было отблеском огней далеких городов, отблеском чужой и далекой жизни. Человек семнадцать лет не покидал полигона. Он не думал о том, что находилось там, за холмами. Но к ночному зареву он привык. Иногда оно разгоралось сильнее, иногда становилось слабым, едва заметным. Сейчас зарева не было совсем.

— Тучи? — спросил человек. Он привык рассуждать вслух.

— Да, конечно, — ответил он себе. — Плохая видимость.

Он передвинул рычажок электрообогрева, и под курткой прошла волна теплого воздуха. Об исчезнувшем зареве он сразу же забыл.

Отсюда было удобно смотреть на Излучатель. Вершину огромного, нацеленного в небо сетчатого конуса скрывали тучи. Десятки прожекторов освещали снизу этот конус; казалось, он лежит на голубых лучах света, а не на невидимых в темноте металлических опорах.

— Еще четыре года, — негромко, словно сомневаясь, произнес человек.

Он смотрел на гигантский конус Излучателя и думал о том, что семнадцать лет назад здесь ничего не было. Семнадцать лет назад Излучатель существовал только в его воображении: такой, каким он видит его сейчас. Нет, не такой. Много хуже.

Он хрипло рассмеялся.

Да, в ту пору все — и он сам — считали, что требуется около шестидесяти лет, чтобы накопить энергию для эксперимента. Но прошло семнадцать лет — и почти все готово. Энергоцентр испытательного полигона полу-

чал в эти годы значительно больше энергии, чем можно было когда-то рассчитывать. Удалось изменить и конструкцию Излучателя. Из года в год он совершенствовал свой Излучатель. Он отдал этому все. Семнадцать лет он работал так, как не смог бы работать никто другой. Не пропуская ни одного дня. Не отвлекаясь ничем посторонним. По восемнадцати часов в сутки. Без праздников и без отдыха.

Он знал: его считают великим ученым. Он сам верил в высокую мощь своего ума. Это уже давно стало для него привычным, естественным и не вызывало волнения. Он относился к своему дару, как к совершенной машине. И, когда эта машина давала хорошие результаты (а это случалось очень часто), ему было приятно.

Снежинки дрожали в лучах прожекторов. Человек машинально следил за полетом снежинок — и ничего не видел. Ему вдруг вспомнилась буря, вызванная его открытием два десятилетия назад. Он первым сказал: «Скорость света — не предел». Сначала с ним не спорили. Его открытие просто не приняли всерьез. Тогда он опубликовал расчеты — и буря началась. Его противники ссылались на опыты Майкельсона, на десятки, сотни аналогичных опытов, подтвердивших конечную величину скорости распространения света. Он ответил новыми расчетами. За длинными рядами формул стояла простая, в сущности, мысль. Скорость звука в воздухе невелика — 331 метр в секунду. Но при взрывах, когда возникают огромные давления, звуковая волна распространяется вначале со скоростью в двадцать, в тридцать раз большей. Нечто подобное происходило и со светом. В этом была своя закономерность: каждый физический закон справедлив лишь в определенных пределах. Даже закон тяготения, названный когда-то «всемирным», оказался неточным в масштабах макромира. Майкельсон, Миллер, Пиккар, Иллингворт, Томашек — все они ставили опыты со световыми источниками относительно небольшой силы. В этих условиях скорость света действительно не превышала трехсот тысяч километров в секунду. Но при звездных катастрофах — при внезапных вспышках новых и сверхновых звезд — свет некоторое время распространялся со «взрывной» скоростью. Так, во всяком случае, говорили расчеты. Излучатель, возвышав-

шийся в центре полигона, должен был на опыте доказать, что для взрывных импульсов очень большой энергии световой порог преодолим.

...Машинально обходя лужи, человек шел по бетонной дорожке, обсаженной приземистым вечнозеленым кустарником. Он смотрел на главный корпус Энергоцентра и думал, что там, на пультах, стрелки контрольных приборов приближаются к черте, означающей конец многолетнего ожидания. За Энергоцентром, в глубоких подвалах, хранились погруженные в жидкий гелий разрядные батареи. Они были почти до предела насыщены энергией. Еще никогда и ни для каких целей не сосредоточивалось так много энергии. Семнадцать лет — днем и ночью — по подземным кабелям текла сюда энергия, собранная на всех континентах Земли.

— Четыре года, — сказал человек, остановившись возле скамейки,

Ветер лениво раскачивал фонарь, подвешенный между двумя столбами. Изломанная граница света и тени прыгала по доскам скамейки. Человеку показалось, что тень стоит на месте, а скамейка, как живое существо, то погружается во мрак, то отскакивает назад, к свету. Человек погрозил скамейке пальцем:

— Не-ет! Двадцать месяцев...

Он не замечал, что карманный радифон давно подает сигналы. Они казались посторонними и далекими, эти сигналы, похожие на крик испуганной птицы. Птица кричала громче, настойчивее, не давала сосредоточиться — и человек в конце концов услышал. Он достал из кармана радифон, покрутил регулятор настройки. На маленьком — со спичечную коробку — экране появилось взволнованное лицо дежурного инженера.

— Ну? — спросил человек. Он не выносил, когда ему мешали думать.

— Простите, что я вас беспокою...

— Ну? — нетерпеливо повторил человек. Лишние слова всегда вызывали у него раздражение.

Инженер рывком снял очки, но сдержался и сказал почти спокойно:

— К вам приехал секретарь ученого совета академии,

— Ладно. Передайте... пожалуйста, передайте, что я на Южной аллее.

Человек спрятал радифон, сел на край скамейки и устало потер глаза. Как только он переставал думать, сразу подступала усталость. Он посмотрел на Излучатель (отсюда был виден только конус) и беззвучно рассмеялся. В эту ночь он решил занимавшую его несколько месяцев проблему. Да, в системе магнитной защиты кое-что придется изменить. Но зато четыре года превратятся в двадцать месяцев. Это совсем мало: в десять раз меньше того, что уже прошло.

— Двадцать месяцев, — сказал он, пытаюсь разглядеть вершину конуса. — Но я придумаю еще что-нибудь. Да и энергии будут давать больше. Значит, не двадцать, а только девять... или семь...

И он вдруг почувствовал, как гулко бьется сердце. Он всегда волновался, думая о том моменте, когда все будет готово. Но сегодня сердце билось слишком громко. Так громко, что он вздрогнул, явственно услышав его стук.

Это были шаги в глубине аллеи. Он обернулся, увидел женскую фигуру и встал.

Женщина была очень молода — намного моложе человека, ожидавшего у скамьи. Костюм ее походил на одежду лыжника. Снег падал на черные волосы, уложенные в высокую прическу. Лицо у женщины было мягкое, доброе, и потому резкие морщинки в уголках глаз казались чужими, случайными.

Они встретились на середине аллеи, под фонарем. Они стояли в трех шагах друг от друга, а по земле растерянно металась их тени.

Женщина тихо сказала:

— Здравствуй.

Он быстро отошел назад, в темноту. Потом спросил:

— Так это ты... секретарь совета?

— Третий месяц, — ответила она. — Ты не знал?

Он промолчал.

— Мы давно не виделись, — нерешительно сказала она.

— Девятнадцать лет, — отозвался он. — Да, почти девятнадцать лет. Это было здесь. Ты... помнишь?

Она кивнула головой:

— Помню. Тогда здесь был пустырь. Мы придумывали название... для полигона.

Женщина улыбнулась, рассеянно дотронулась пальцем до подбородка, и человек вздрогнул, узнав эту улыбку и этот жест.

— Где-то здесь была река, — продолжала она. — Нет, не река — совсем маленькая речка. Но в ней отражались звезды. Очень много звезд.

— Да. Много звезд, — сказал он. — А потом никто не мог понять, откуда взялось это название... Речки уже нет. Давно нет.

Они сели на мокрую от растаявшего снега скамью и долго молчали. Она искоса поглядывала на него, но он сидел на краю скамьи, в темноте, и лица его не было видно.

— Я по делу, — сказала она, не выдержав молчания.

— Да, — безразлично произнес он.

— Произошла катастрофа с подземоходом. Ты, конечно, знаешь?

— Нет.

— Ты... не знаешь?

Он досадливо пожал плечами:

— Нет.

— Хорошо, — сказала она после некоторого молчания. — Я объясню. Это экспериментальный подземоход. Совершенно новая конструкция. Раньше опускались на три, на четыре километра. Эта машина пробилась на глубину в тридцать шесть километров. Предполагали, что она дойдет до сорока. Но произошла авария. Там три человека... Ты слышишь?

Она всматривалась в темноту и никак не могла разглядеть его лицо.

— Да, — ответил он. — Слышу.

— У них мало кислорода, — продолжала она. — Часть баллонов уничтожена при аварии. Но какое-то время они продержатся. Связь плохая. Трудно сказать, сколько они могут продержаться. Дорог каждый час... На бурение нет времени. Если бурить — мы не успеем туда добраться. Опоздаем. Остается только один способ — электропробой.

— А, знаю. — Он оживился. — Знаю. Направленный разряд. Образуется скважина с оплавленными стенками. Сколько дней она держится, такая скважина?

— Это зависит от многих причин, — быстро ответила женщина. — Но нам достаточно нескольких часов.

Он неожиданно рассмеялся:

— У вас ничего не выйдет! На это требуется огромное количество энергии. Пробить земную кору... Теперь я припоминаю. Опыты проводились на глубинах до двадцати километров. Да, да... Эти опыты поглощали уйму энергии. Я тогда протестовал — и опыты прекратили. Энергию отдали ему, — он махнул рукой в сторону Излучателя. — Когда же это было?... Восемь лет назад. Да, восемь лет назад.

— Энергия есть, — сказала женщина. — Энергия есть в батареях твоего полигона. Разве ты...

Она умолкла, ей было трудно говорить.

Он встал, шагнул от скамьи. Спросил не оборачиваясь:

— Так приказал ученый совет?

В голосе его было безразличие. Женщина ожидала всего — только не безразличия.

— Нет, — ответила она. — Это не приказ. Точнее — не совсем приказ. На заседании совета все высказались за использование энергии твоих батарей. Но единогласно принята оговорка: использовать, если согласишься ты.

— Следовательно, решение зависит от меня?

— Да.

— И никто не будет протестовать, если...

— Нет.

Он вернулся к скамье, сел.

— Передай, что я не согласен.

Она вздрогнула, посмотрела на него:

— Ты...

— Я же сказал — нет. Помолчи, пожалуйста. Я все объясню.

Женщина тщетно пыталась увидеть его лицо. Голос (так ей казалось) шел откуда-то издалека.

— Допустим, я отдам энергию, накопленную здесь за семнадцать лет. Ведь вам нужна вся эта энергия, не так ли?

— Да, вся, — подтвердила женщина. — В твоих батареях примерно девяносто процентов нужной нам энергии. Скважина должна иметь большой диаметр и...

— Хорошо, — перебил он. — Хорошо. Вы возьмете

энергию, и три человека будут спасены. Итак, мы потеряем накопленную за семнадцать лет энергию, зато сохраним трех человек... Я просил не перебивать меня! Выслушай, пожалуйста, до конца. Ты знаешь: энергия, накапливаемая здесь, нужна для решающего эксперимента. Овладеть засветовыми скоростями — значит открыть путь человечеству к самым отдаленным галактикам. Но суть даже не в этом. Космические корабли нередко погибают из-за недостаточной мощности двигателей. Статистика тебе, надеюсь, известна. Установить на кораблях новые двигатели — а в этом конечная цель моей работы — значит спасти жизнь многим астронавтам. Как видишь, здесь строгий расчет. Я не руководствуюсь личными соображениями. Я думаю о людях. В одном случае погибнут три человека, но наука рванется вперед, даст технике средства, которые предотвратят в будущем гибель сотен, может быть тысяч людей. В другом случае удастся спасти трех человек, но мы потеряем семнадцать лет, и это неизбежно — прямо или косвенно — приведет к человеческим жертвам. Ты... все поняла?

— Все, — тихо ответила женщина. — Мне страшно, что ты такой.

Он усмехнулся и мельком взглянул на нее.

— Ну, а возражения у тебя есть? Разумные доводы? Я готов выслушать.

Женщине было холодно, она забыла об электрообогреве костюма. Снег падал ей на плечи и не таял.

— Да, — сказала она после продолжительного молчания. — У меня есть доводы. Ты прав, космическим кораблям нужен мощный двигатель: это откроет путь к галактикам, уменьшит число катастроф. Однако все это — в будущем. Следовательно, есть время. Не ты один думаешь об этих двигателях. Да, я хорошо понимаю: твоё открытие — это нечто исключительное. Но и другие конструкции помогут нам в ближайшие годы избавиться от катастроф, связанных с недостаточной мощностью двигателей. Нет, нет, так нельзя обосновать твой отказ.

Он снисходительно улыбнулся.

— Ты улыбаешься сейчас, — грустно сказала она. — Я не вижу, но знаю: ты улыбаешься... Сколько раз было так! Я чувствую, что ты неправ, и не могу доказать...

С тобой трудно спорить. Но разве справедливо, чтобы из-за этого те трое...

— Несправедливо, — сухо ответил он. — Хорошо. Допустим, важнее сейчас спасти трех человек, чем рассчитывать на отдаленные результаты моего эксперимента. Но что можно противопоставить его научному значению? Ничего!

— Ничего, — повторила женщина. — И все-таки человеческая жизнь важнее. Наука существует для людей.

— Прописная истина, — резко перебил он. — Я ставлю эксперимент не для забавы. Для людей. Это сделает их сильнее, счастливее.

— Нет, нет! Мне трудно спорить с тобой. Но я... я начинаю думать, что твой эксперимент теперь только задержит развитие науки.

Он посмотрел на нее. Ему казалось, что спор уже решен. Сейчас его просто интересовал ход ее мыслей. И он с любопытством спросил:

— Почему?

Она ответила не сразу. Она сидела совершенно неподвижно, и снежинки падали на ее ресницы. «Глаза совсем черные, — подумал он. — Черные, а не светлосиние...» Он заставил себя смотреть на Излучатель. Но значительно труднее было изменить направление мыслей: впервые за очень долгое время мысли не повиновались ему. «Как странно, — думал он, — пройдет сорок или пятьдесят лет, и могучий Излучатель покажется людям неуклюжим и смешным, а красота, вот такая красота, и через тысячи лет вызвала бы радостное изумление... А если бы там, под землей, была она?..» На мгновение ему представилось, что на освещенном конце скамейки никого нет.

— Я объясню, — сказала женщина. Она старалась говорить спокойно, взвешивая каждое слово. — Я объясню на понятном тебе языке логических доводов... Науку развивают люди. Сейчас они идут на риск, на подвиги, зная, что в случае необходимости будет сделано все возможное, чтобы оказать им помощь. Я говорю не только о тех, кто сейчас сидит там, в кабине подземахода. Я говорю об экипажах космических кораблей, об экспедициях на чужие планеты, о строителях подводных городов... Они твердо знают, что в беде их поддержат

все. Это умножает силы, это... Прости, я сбилась с логического языка. Логика, только логика! Развитие техники в определенной степени зависит от того, что люди верят в поддержку всего человечества. Если один раз эта вера будет обманута... Ты понимаешь? Сегодня мы не отдадим энергию твоих батарей, а завтра кто-то поколеблется — идти ли на риск, кто-то станет чуть-чуть менее дерзким, менее смелым... И так во всех областях науки, всюду, где идет схватка с природой. В целом это даст такой отрицательный эффект, что твой эксперимент и еще десятки таких экспериментов...

Она продолжала говорить, но он ничего не слышал. Он с полуслова понял ее мысль и теперь видел значительно дальше, чем видела она сама.

— Хватит! — глухо произнес он. — Возможно, ты права. Логика, кажется, не на моей стороне.

Женщина напряженно всматривалась в темноту. Свет фонаря бил ей в глаза; она едва различала припорошенную снегом фигуру человека.

— Ты... согласен?

— Послушай, — спросил он, глядя на конус Излучателя, — допустим, я отдам энергию. Допустим. Но ведь нет твердой уверенности, что этот... электропробой удастся. На такой глубине его еще ни разу не испытывали. И тогда энергия будет потрачена напрасно.

— Да, — сказала она, — абсолютной уверенности нет. Но все расчеты... Почти невероятно, чтобы была неудача. К тому же и твой эксперимент...

— Ерунда! — досадливо перебил он. — Мой эксперимент будет успешным. Притом и отрицательный результат был бы важен для науки.

— Хорошо, я не спорю. Но... что же ты все-таки решаешь?

— Что я решаю? — переспросил он. — Значит, решение зависит от меня?

Она ответила очень тихо:

— Так постановил совет.

— Тогда я против. Я не отдам батареи.

— Почему? — спокойно спросила она, и он почувствовал, как трудно дается ей это спокойствие.

— Не волнуйся, — с неожиданной мягкостью в голосе сказал он, — Я попытаюсь объяснить, Ты помнишь,

каким я был двадцать лет назад? И вот сейчас... Ведь ты только на два года моложе меня. А я почти старик. Это хорошо, что ты не споришь. Ты всегда была честной. Так вот, сейчас я почти старик, а ты по-прежнему молодая. Как в то время. Этот Излучатель отнял у меня все. И тебя и всю жизнь.

— Нет, — возразила она. — Я сама...

— Пусть так, — поспешно согласился он. — Пусть так. Излучатель не виноват в том, что я тебя потерял. Однако семнадцать лет я сижу здесь, на полигоне. Семнадцать лет. Ты молчишь? Это хорошо. Ты и умна по-прежнему. Ты понимаешь, что, работай я только за двоих или за троих, Излучатель был бы готов через шестьдесят лет. Конечно, мне помогали. Мне помогали много больше, чем я просил. Но тысяча самых хороших музыкантов не сыграет так, как может сыграть один гениальный музыкант. Ты знаешь, я не переоцениваю себя.

— Знаю, — с усилием произнесла она.

— В первые годы, — продолжал он, — мне было трудно здесь. Но я понимал, что несу ответственность перед людьми за свой мозг. Я должен был использовать его с предельным коэффициентом полезного действия. Я работал по восемнадцати часов в сутки. И каждую секунду из этих восемнадцати часов я заставлял свой мозг работать на полном накале. Я добился, чтобы меня не трогали врачи. Я работал на износ...

Он помолчал, затем неожиданно рассмеялся:

— Хотелось уехать за горы, к людям... Меня тянуло туда. Я вспоминал наш обрыв над Волгой... Ладно. Не в этом дело. Я не мог уехать. Я знал, что не имею права заставлять эту машину бездействовать, — он постучал пальцем по своему лбу. — Иногда я думаю, что мне просто не повезло. В медицине, в биологии, в химии — в любой области техники я работал бы вместе с людьми. Я не был бы так одинок. Моя же работа приковывала меня к письменному столу и требовала одиночества. То, что я делал, лежало где-то на границе теоретической физики и философии. Осмысливание общих идей, отыскание общих принципов... Так или почти так когда-то работал Эйнштейн. Я не нуждался в лабораториях, мне не надо было уезжать в экспедиции... Мне доставляли отобранную информацию. Где-то производили нужные

мне вычисления... Вначале у меня были друзья, сотрудники. Но с каждым годом моя задача все более суживалась. Энергия, энергия, энергия! В борьбе за энергию я не мог потратить десяти минут на дружескую беседу, и у меня не стало друзей. А сотрудники... Я их почти не вижу. Мы говорим на расстоянии. Кто-то строит части Излучателя; разве я могу поехать на завод? Кто-то работает у вычислительных машин; разве у меня есть время на разговоры с этими людьми?... Семнадцать лет! Вероятно, этот путь можно было пройти без такого напряжения лет за тридцать. Я прошел этот путь за семнадцать лет — и дорого заплатил.

— Если бы ты работал вместе с людьми, — возразила женщина, — этот путь удалось бы пройти за двенадцать лет. Или за десять. Ты об этом не думал?

— Нет, — ответил он. — И сейчас я так не думаю. Пойми: я не жалею и ни о чем не жалею. Это большое счастье — постоянно жить в вихре идей, силой ума пробиваться в еще неизвестную человеку область. Я ни о чем не жалею. Это моя жизнь. Да. Но вот приходишь ты и требуешь, чтобы я сам все перечеркнул. Там погибают три человека. Они посвятили жизнь решению какой-то научной задачи. Я тоже посвятил свою жизнь решению научной задачи. И вот ты хочешь спасти их. Благородно. Очень благородно. Но ты понимаешь, что тогда погибну я? Я не могу ждать еще семнадцать лет, а без этого моя жизнь... Так вот, скажи: разве справедливо их спасти ценой моей жизни? Вероятно, моя работа тоже важна. Вероятно, мои семнадцать лет стоят их спуска на тридцать шесть километров. Так почему же они — да, а я — нет? Почему? Логика все-таки на моей стороне. Логика и справедливость.

Женщина не ответила. Она смотрела на снег и думала, что там, под землей, три человека задыхаются от жары. Холодная установка, скорее всего, не работает, и невидимые потоки тепла просачиваются сквозь изоляцию в глубь корабля...

Свет постепенно обосновывался на земле. Сначала возникли белые полосы по краям аллеи, потом белая паутина начала расползаться по бетонным плитам аллеи, захватила свободную часть скамейки. Снег оседал на широких листьях кустарника. Конус Излучателя стал

совсем белым. Снег скапливался в складках куртки у мужнины и ровным слоем покрывал свитер женщины.

— Ну что ж, — сказала женщина, стряхивая с колен снег. — Я передам совету твое решение. Сейчас я уйду. Никто не заберет твои батареи. Но я должна сказать тебе, что я об этом думаю. Впрочем, это мое личное мнение, и ты можешь...

Он резко взмахнул рукой:

— Говори!

Женщина долго молчала. Он смотрел на нее и думал: «Неужели до сих пор люблю?» Уже много лет он не вспоминал ее. И вот сейчас она пришла — и снова в сердце стучит боль, снова подступает мучительное чувство утраты.

— Мне трудно сказать тебе все, — начала женщина, — но я скажу.

— Говори, — прошептал он.

Ему хотелось слышать ее голос. Только голос!

— Что ж, слушай. — Она говорила, глядя прямо перед собой, в беловатую мглу. — Ты очень изменился. Ты перестал быть человеком и коммунистом. Я боюсь, что скоро ты перестанешь быть и ученым. Нет, теперь слушай! Ты сам хотел. Слушай же... Раньше ты жил для людей. Ты был похож на тех, которые когда-то закрывали собой амбразуры. Сегодня ты не сделал бы этого.

— Ошибаешься! — холодно сказал он.

— Нет, не ошибаюсь. Ты бы рассчитал, что для блага людей важно сохранить твой мозг. И для блага людей не спас бы товарищей! Ты хорошо знаешь арифметику логических расчетов и совсем забыл высшую математику человеческих отношений. Там, за пределами полигона, все считают, что твоя жизнь — подвиг. Только поэтому совет оставил последнее слово за тобой. Но мы не знали, что твоя жизнь давно перестала быть подвигом. В этом есть и наша вина. Да, твоя работа требует одиночества. Но не такого, какое создал ты! Случилось так, что постепенно ты перестал замечать все окружающее тебя. Ты ставишь себе в заслугу, что жил и работал в одиночестве. Ты думаешь, что отдал свой мозг людям и это все оправдывает. Ложь! С какого-то времени ты перестал работать для людей. Ты перестал думать о лю-

дах. Работа сделалась для тебя самоцелью. И будь ты трижды гениален — это непростительно. Ты сделал за семнадцать лет то, на что другим потребовалось бы много больше. Но разве ты работал один?! У тебя не нашлось времени поинтересоваться теми, другими... А они собирали эту энергию. Я говорю о всех людях Земли. Семнадцать лет они берегли каждую частицу энергии — для твоих батарей! Они отказывались от многих заманчивых проектов — для твоих батарей! Они искали, думали, строили... Все вместе они дали несоизмеримо больше того, что дал ты. И они хотели дать еще больше. Если бы не катастрофа, ты через неделю начал бы получать втрое больше энергии. Так решили люди, хотя у тебя не было времени поговорить с ними.

— Так... решено?

— Да. Проект утвержден. Но разве в этом дело? Сейчас ты говоришь, что Излучатель стал твоей жизнью. Люди это знают. А вот известно ли тебе, сколько людей отдали жизнь Излучателю? Отдали в буквальном смысле слова. Статистика, как ты говоришь...

— Не преувеличивай, — спокойно ответил он. — На полигоне не было ни одного несчастного случая. Не спеши, подумай.

— Я уже думала. Много думала, — тихо сказала женщина. — На полигоне не было несчастных случаев. А за полигоном для тебя нет ничего. Точнее — есть некое абстрактное человечество.

— Ты несправедлива.

Женщина грустно улыбнулась.

— Справедливость? Год назад у меня погиб сын. Авария на строительстве термоядерной станции. Они торопились... Он и его товарищи... Молчи! Молчи и слушай! За эти годы так было не раз. Да, энергия, собранная в твоих батареях, обошлась дорого, очень дорого. Тебе не говорили об этом. И я бы не сказала, но ты вспомнил о справедливости.

— Прости...

— Простить тебя? Ты ничего не понял. Ничего! Разве люди делали это ради тебя? Разве опыт нужен только тебе? Как трудно с тобой говорить!..

— Прости, — повторил он. — Я помню, тогда по-

«Шесть часов назад на всей Земле прекращена подача энергии...»

гибло четыре человека. Но я даже не подумал, что один из них...

— Ты и теперь не думаешь о других. Ты добился отмены опытов с электропробоем, взял энергию в свои батареи. Подземники не спорили с тобой. Но они тоже любили свое дело и продолжали испытывать свои корабли. Они шли на риск, зная, что риска могло бы и не быть, если бы продолжались опыты с электропробоем. В сущности, эти трое сидят сейчас в подземоходе потому, что ты восемь лет назад забрал предназначенную им энергию. — Женщина встала. — Если бы решал экипаж подземохода, батареи остались бы у тебя. Даже совет оставил последнее слово за тобой. Напрасно! Но пусть будет так. Мы обойдемся без твоих батарей. Ты даже не представляешь, насколько ничтожны запасы твоего Энергоцентра по сравнению с тем, что есть у нас.

— Все запасы передавались сюда. У вас нет почти ничего.

— Есть! Шесть часов назад по всей Земле прекращена подача энергии.

Он пристально посмотрел на нее и покачал головой:

— Вы опоздаете.

— Нет. Мы остановили все заводы. Мы прекратили почти все работы. Мы отменили полеты всех космических ракет. Мы выключили свет во всех городах. Никто — ты слышишь, — никто не возразил, не пожаловался... Остановилось все! И люди сами отдают ту энергию, которая есть в батареях личного пользования. Все — от гигантских термоядерных станций до переносных туристских генераторов — работает только для того, чтобы спасти этих трех человек.

— Вы опоздаете, — упрямо повторил он.

— Нет. Мы спасем их. Без твоих батарей. Ты видишь, мы не прервали подачу тока сюда, в твой Энергоцентр. В окнах твоих зданий горит свет. И эта аллея освещена. А там — нет огней на улицах, закрыты театры, музеи, лаборатории. Даже дети в этот час думают только об энергии.

— Вздор! — резко сказал он. — Театры, дети... Вздор! На все эти театры и музеи, на освещение улиц приходится ничтожная доля общего расхода энергии. Одна десятая процента. С этим или без этого вам нужно

собирать энергию не менее двух суток. Вы не успеете. Тридцать шесть километров...

— Да, тридцать шесть! Понадобится — мы пробьемся к центру Земли. Нас много. Одна снежинка — ничто, даже если она большая. Но когда их много и они вместе... Так и люди. На Земле восемь миллиардов людей. Нет, я ошиблась. Восемь миллиардов без одного человека. Тебя нельзя считать. Ты потерял это право.

Он пожал плечами:

— Как знать. Посмотрим. Иногда ученый должен идти...

— Нет! — перебила она. — Не должен! Раньше человек еще мог видеть дальше человечества. Сейчас — нет. Сейчас человечество видит дальше одного человека. Ты поймешь это... позже.

Она повернулась и пошла. Он остался сидеть. Снег деловито заметал следы ее ног.

— Снег, — удивленно произнес человек, глядя на эти следы.

Только сейчас он заметил, что идет снег.

Он попытался представить себе темные улицы городов, остановившиеся цеха автоматических заводов, черные громады космических кораблей на безлюдных стартовых площадках... Потом он попытался представить себе кабину подземного — и не смог, ибо давно перестал интересоваться всем, что не было связано с Излучателем. Он подумал, что даже не знает, кто эти трое. Ему и в голову не пришло спросить. Три человека. Просто цифра. В этот момент мелькнула совсем другая мысль: «У нее был взрослый сын...»

Он встал и направился к центральной площадке. Снег падал на лицо и таял. Это мешало думать, и он досадливо вытер лицо рукой. Центральная площадка была покрыта снегом. Лучи прожекторов казались теперь ослепительно белыми — их до отказа заполнили снежные хлопья. «Плохо, очень плохо, — подумал человек. — Нет времени во всем этом разобраться».

Он вынул радиотелефон, нажал кнопку. Снег падал на экран, и человек нагнулся, чтобы увидеть дежурного инженера.

— Слушайте меня внимательно, — сказал он инженеру. — Сейчас вы сообщите ученому совету, что бата-

реи полигона «Звездная река» передаются для спасения подмохода. Затем вы прекратите прием энергии. Выключите свет на территории полигона. Весь свет, до последней лампы. Кроме аварийной линии в помещении батарей. Вы поняли?

— Да, — коротко ответил инженер. Он, видимо, ожидал этих распоряжений, и они не удивили его. — Это всё?

— Нет. Сколько человек на полигоне?

— Двенадцать, — ответил инженер и, помедлив, добавил: — С вами.

— Хорошо. Оповестите всех: мы займемся сейчас подготовкой батарей к транспортировке. Впрочем... В этой работе могут принять участие только желающие.

Инженер едва заметно улыбнулся и ответил:

— Будет сделано.

— Почему вы улыбаетесь? — спросил человек. — Кажется, я не сказал ничего смешного.

— Нет, нет, — поспешно ответил инженер. — Просто все уже собрались. Мы ждем вас.

«Мальчишка!» — беззлобно подумал человек и выключил радиотелефон.

Снегопад становился сильнее и сильнее. Он был теперь в чем-то подобен проливному дождю: снежинки сливались в сплошные белые струи. Но все это происходило в абсолютном безмолвии и потому было как торжественная песня без слов. «Тишина. Странная тишина, — подумал человек. Впервые за многие годы мысли его текли медленно и беспорядочно. — Голос у нее совсем не изменился. Пахнет морозом. Неужели у снега есть запах?.. Сегодня не пролетал рейсовый реактив. Значит, полеты тоже прекращены... А сын, наверное, был похож на нее...»

Он остановился и, прикрыв глаза, стал вглядываться в конус Излучателя. Ему вдруг со всей отчетливостью представилось то, чего он так долго ждал. Конус полыхнул ярким пламенем, и ослепительный луч, мгновенно пронизав тучи, устремился к звездам. «Снег, — подумал он. — Блестит снег. А она в чем-то тоже ошибается... Как это она сказала? «Чувствую, что ты неправ, и не могу доказать». Теперь я не могу доказать... Кто же прав? Кто?.. Энергия эта действительно принадлежит людям. Я не согласен ее тратить, но мое мнение — только лич-

ное мнение. Пусть так. А будущее? Да, да. Нас рассудит будущее».

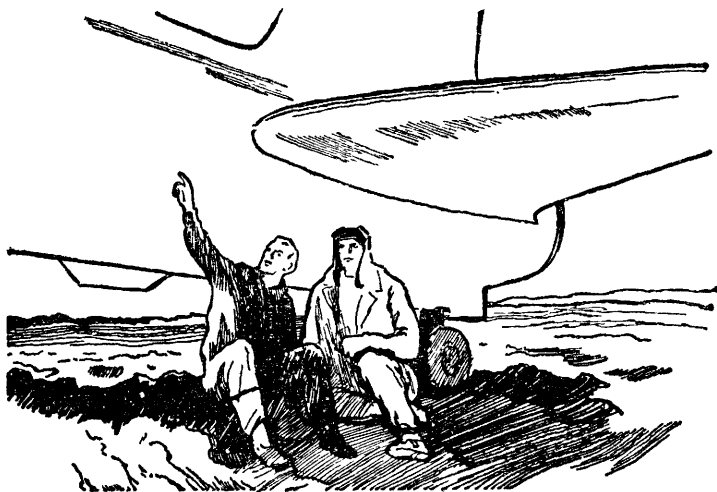
Внезапно наступила темнота. Человек закрыл глаза и уверенно пошел вперед. Когда глаза привыкли к темноте, он открыл их и посмотрел на Излучатель. С трудом можно было различить смутные белые пятна. В темноте Излучатель походил на громадный, покрытый снегом утес.

Человек достал радифон, настроил экран.

— Да? — спросил дежурный инженер. Его взгляд сквозь толстые стекла очков был добрым, спокойным, внимательным.

— Свяжитесь с секретарем совета, — сказал человек. — Ее машина где-то в пути. Передайте от моего имени, что на Земле восемь миллиардов людей, без всяких вычетов. Вы поняли?

— Да, — невозмутимо ответил инженер. — Надо передать секретарю совета, что на Земле восемь миллиардов человек. Без всяких вычетов.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТОР

Ураган был насыщен электричеством. В прижатых к земле тучах извивались огненные нити. Вихри налетали на пульсирующее фиолетовое пламя, рвали его в клочья и раскидывали по небу. В зените горело накаленное до синевы пятно — «глаз бури». Из мрака, окружавшего «глаз бури», с лихорадочной поспешностью вонзались в землю широкие клинки молний. Плотная дождевая завеса вспыхивала временами подобно струе расплавленного металла. Ветер с нетерпеливым воем подхлестывал искрящиеся потоки воды. Они сталкивались, сплетались в клубок и мгновенно вскипали, разбрасывая багровую пену.

Пилот долго стоял у оконного стекла, прислушиваясь к хриплому реву бури.

— Спектакль, — сказал он наконец. — Пиротехника, а не ураган. «Синей птице» нужны серьезные испыта-

ния. Скажите, доктор, это все, что смогли сделать ваши метеорологи?

Врач (он сидел на диване, в глубине комнаты) посмотрел на пилота. «Как скала, — подумал он. — Странно, что никто не догадался сфотографировать его так: черный силуэт и молнии».

— Совсем неплохой ураган, — ответил врач. — Одиннадцать баллов. Центр урагана — у взлетной площадки. Мы стараемся не очень шуметь: в шестидесяти километрах восточнее начинается зона леспромхоза.

— Одиннадцать баллов? — переспросил пилот. — На Юпитере даже в верхних слоях атмосферы «Синяя птица» встретит ураганы вдесятеро сильнее. Я привез снимки, сделанные с разведывательных ракет. Плохо, если для ваших метеорологов одиннадцать баллов уже предел.

— Это не предел, — сказал врач. — Мы ждали вас завтра. Сегодня метеорологам заказали обычный ураган. Они выполнили заказ, и только. Если им закажут катастрофический ураган, они сделают катастрофический. Даже сверхкатастрофический.

Пилот отошел от окна и остановился посредине комнаты. Он внимательно и с едва заметным недоумением оглядел высокие книжные стеллажи и большой, заваленный книгами стол. Врач знал этот взгляд. Людям, редко бывающим на Земле, всегда кажется странной нерасчетливая просторность земных помещений.

— Машину надо испытывать в самых жестких условиях, — повторил пилот.

Врач мог еще на несколько минут оттянуть неизбежный разговор — и ему очень хотелось это сделать. Но он ответил:

— «Синюю птицу» можно не испытывать. Она уже прошла все испытания.

Пилот вернулся к окну и опустил штору. Плотная металлизированная ткань скользнула вниз. Сразу стало тише. Зажглись лампы, спрятанные за матовой поверхностью стеклянного потолка.

— Поговорим? — спросил пилот.

Врач молча показал ему на кресло. Уже опускаясь в кресло, пилот заметил голубую пластмассовую трубоч-

ку, лежащую на столе, между страницами раскрытой книги.

— Калейдоскоп? — удивленно произнес он. Его светлые глаза потемнели, и лицо сразу стало добрее. — Это... ваш?

— Генерального Конструктора, — ответил врач.

Пилот взглянул на врача. Это был беглый взгляд, не больше, но со свойственной астронавтам способностью мгновенно схватывать главное пилот увидел в глазах собеседника напряженное ожидание.

— Скажите, — осторожно спросил пилот, — Генеральный Конструктор... он никогда не летал?

Врач пожал плечами:

— Что значит — летать?

Пилот снова взглянул на врача. Лицо у врача было подвижное, очень худое, с нездоровой желтизной.

— Летать — значит подниматься над землей на машине, — вежливо объяснил пилот.

— В таком случае, Генеральный Конструктор летал, — сказал врач. — Он летал в тот день, когда вас встречали после первого рейса к Меркурию. Генеральный Конструктор был тогда... мальчишкой. Он хотел походить на вас. Хотел летать. В тот день он попытался взлететь на своей первой машине. Он построил ее из кусков фанеры и дюралья. Игрушка. Но эта... машина взлетела. На пятнадцать метров. А потом упала. Вот, собственно, все. Ходить он начал через три года. Сначала на костылях. Летать ему не разрешали. Даже на пригородных вертолетах.

Ураган постепенно выдыхался. За окном ровно гудел ветер.

— Так, — сказал пилот. — У вас должны быть хорошие испытатели. Конструктору нелегко, если он никогда не летал на настоящих машинах.

— У нас нет испытателей. Генеральный Конструктор всегда сам испытывал свои машины. Он сам провел все испытания «Синей птицы». Сегодня... сегодня он тоже летал.

— Он погиб восемь дней назад, — медленно произнес пилот. — Он погиб, а мертвые не летают.

Врач отрицательно покачал головой. Нужно было

многое объяснить; это угнетало его. Он взял лежащий на книге калейдоскоп и придвинул книгу к пилоту:

— Вот, посмотрите. Орел летел к Солнцу — и погиб. Погиб в полете... и не упал, а продолжал лететь.

Книга была открыта на других стихах, но пилот узнал автора и вспомнил эти строки:

Он умер, да! Но он не мог упасть,
Войдя в круги планетного движенья.
Бездонная внизу зияла пасть,
Но были слабы силы притяженья...

Пилот мягко сказал:

— Это поэзия.

— Да. Это поэзия, — машинально повторил врач.

У него дрожали руки, и в калейдоскопе жалобно звенели стекла.

* * *

— Так, — медленно произнес пилот после продолжительного молчания. — Так. Но вы сами сказали, что Генеральный Конструктор никогда не поднимался на настоящих машинах. Автопилоты? Нет. Для испытаний новой машины, для полета сквозь ураган нужен человек. Нужны ум, смелость, воля, выдумка.

— Да, — сказал врач. — Машины могут делать то, что могут. Человек умеет делать и невозможное.

— Значит, автопилоты исключены. Генеральный Конструктор управлял кораблем с Земли. Только так. Но, если это обычное радиуправление, нужна очень точная координация движений. Нужно уметь мгновенно перенести руку с одного рычага управления на другой, нужно... почти такое же здоровье, как и для полетов. Нет, это тоже исключено. Остается одна возможность — биоэлектронное управление на расстоянии. Так?

— Да, — коротко ответил врач.

— Хорошо, — продолжал пилот. Теперь он говорил увереннее, жестче. — Значит, биоэлектроника. Человек сидит на Земле, у пульта управления, следит по приборам за полетом машины и мысленно передвигает рычаги управления. Аппаратура усиливает возникающие в

мозгу и мышцах биотоки, рация передает сигналы на машину. Я видел такой полет. В ясную, безветренную погоду эта штука поднялась метров на сто и не спеша описала круг над площадкой. Потом приземлилась. Летящий диван...

Врач нетерпеливо перебил:

— «Синяя птица» — четвертая его машина. И все они испытывались только им. Это совсем иначе. Он сидел в кресле. И никакого пульта, никаких приборов. Вы понимаете — ничего! Он сидел с закрытыми глазами и мысленно представлял себе весь полет — от взлета до посадки. Он представлял себе — во всех деталях — каждое движение пилота. Биотоки записывались. На пленке — две серии колебаний: одна — мысленные условия полета, вторая — мысленные действия человека. Потом эта запись служила программой для электронных автоматов на ракетоплане. Машина воспроизводила полет, мысленно совершенный человеком. Приборы регистрировали поведение корабля. Вносились изменения в конструкцию. И снова проводились испытания — в более сложных условиях. Человек представлял себе эти условия, мысленно переживал полет — и запись биотоков пополняла электронную память управляющих автоматов... Я знаю, что вы хотите сказать. Знаю! Да, могут быть непредвиденные обстоятельства. Но и машина имеет разные записи. Человек переживает полеты в самых различных условиях. Предусматривает все случаи, которые могут встретиться в реальном полете.

— Нельзя предусмотреть все, — возразил пилот. Он старался говорить спокойно. — Это — как калейдоскоп. Вы можете предусмотреть бесчисленные сочетания стеклышек?

— Я не могу, — твердо сказал врач, глядя на калейдоскоп. — Генеральный Конструктор... он мог. Он знал свои машины. Он начинал с простых полетов и постепенно переходил к более сложным. После каждого мысленного полета совершались контрольные реальные полеты. У нас не было ни одной аварии. Испытания «Синей птицы» ведутся уже полгода. Генеральный Конструктор совершил тридцать шесть полетов к Юпитеру. Обычное кресло и обычная комната. Воображаемые полеты — каждый раз все дальше и дальше в глубь атмосферы

Юпитера. Вот вы... вы, в сущности, едва коснетесь атмосферы Юпитера. Перегрузка. Пока на ракетоплане человек, большего не достигнешь. Корабль выдержит, человек — нет. Генеральный Конструктор мог опускаться очень глубоко. В этом преимущество его метода. И еще в том, что можно собрать электрограммы мысленных и реальных полетов, выполненных лучшими пилотами, и тогда автоматы будут иметь обобщенный человеческий опыт. Не только опыт, но и человеческую смелость, человеческую самоотверженность. Человеческий стиль, которого нет у обычных электронных машин. Можно отпечатать комплект электрограмм сто, тысячу раз. Для многих кораблей. Для многих машин здесь, на Земле. Да. Мы не успели...

— Так, — сказал пилот. — Мысленные полеты к мысленному Юпитеру. Можно представить себе самый страшный ураган, но будет ли он таким, как реальный?

— Будет! — с неожиданной злостью выкрикнул врач. — Нет таких ураганов, которые человек не мог бы себе вообразить. Мысль человека — это... это... Поймите простую вещь. Физические возможности человека ограничены. Природа скупно отмерила какие-то пределы. Да, да, разумеется, можно их перейти. Можно создать трехметровых людей, сильных и выносливых. Но это, в сущности, ничего не изменит. Пределы есть, их можно лишь несколько отодвинуть. И только одна способность человека не имеет никаких пределов — это способность мыслить. Вы... понимаете?

Пилот кивнул головой:

— Понимаю. Я все понимаю, кроме одного. Меня пригласил Генеральный Конструктор. И вот сегодня здесь смотрят на меня как на врага. Почему?

Врач положил на стол калейдоскоп и устало потер глаза.

— Почему? — повторил пилот.

— Трудно объяснить, — сказал врач. — Понимаете, мы все когда-то сомневались, что Генеральный Конструктор... ну, что он сможет... Потом мы поверили, и с этого времени все здесь работали и жили во имя одного. Мы поняли, что это такое — человеческая мысль. Нет, я не то хотел сказать. Вот представьте себе, что люди работают с каким-нибудь мощнейшим реактором. Или с

электронной установкой. Это машины. Ими можно торговаться — и только. А мы экспериментировали с человеческой мыслью. Мы видели ее безграничную силу. Нет, дело даже не в силе. Мы чувствовали обаяние человеческой мысли, ее могучую красоту. Да. Мы знали, что наши машины летают лучше всех пилотов — кроме вас. С вашим именем здесь связывали последний рубеж, который надо преодолеть.

— И вы... преодолели? — спросил пилот.

Врач посмотрел ему в глаза и твердо ответил:

— Да, конечно. Но Генеральный Конструктор... его нет, а вы — здесь.

* * *

В оконное стекло настойчиво скребся дождь.

Пилот просматривал акты испытаний «Синей птицы». Их было много, этих актов. Машина испытывалась жестко, в самых различных условиях. Вместе с актами в папке лежали написанные от руки три страницы — что-то вроде черновика докладной записки. Генеральный Конструктор не успел закончить записку. Она обрывалась на половине фразы: «Я считаю, что полет к Юпитеру корабль должен...»

Пилот встал и открыл окно. «Дождь, — подумал он, — снова дождь. На Земле всегда дождь». Он усмехнулся. Дождь шел на Земле не всегда. Но там, где проводились испытания новых машин, обычно была скверная погода.

Дождь шуршал листьями деревьев.

Так было и три года назад. Три года назад пилот впервые подумал, что останется на Земле. Смешная мысль! Вертолет, который должен был доставить его на ракетодром, опоздал на семь минут. Только и всего.

Пилот часто думал о Земле. Когда-то, поднявшись в Космос, он впервые увидел оттуда Землю. Он мог часами смотреть на голубой шар, окутанный радужной дымкой. Он восторгался красотой Земли и одновременно радовался тому, что смог подняться над ней.

С годами у него появилось другое восприятие Земли, потому что с Землей были связаны многие опасности.

Приходилось преодолевать силу земного тяготения, пробивать радиационный пояс, избегать притягиваемых Землей метеоритов.

Пилот любил Землю. Но однажды он поймал себя на том, что думает о ней с непонятной ему самому тоской. Это не была тоска по Земле. И три года назад, ожидая вертолета, он вдруг понял, что это за тоска. Вертолет запоздал на семь минут, и в эти семь минут, стоя под мокрым от дождя кленом, он вдруг с предельной ясностью осознал, что рано или поздно ему придется навсегда вернуться на Землю.

С той поры он всячески избегал бывать на Земле. Он заставил себя не думать о том, что неизбежно должно было случиться...

Пилот внимательно вслушивался в звуки дождя. Невидимые в темноте дождевые струи ритмично стучали по асфальту. Ворчала, фыркала, гудела водосточная труба. Звенели дождевые капли, падая на пластмассовый подоконник. Дождь имел множество голосов, и это казалось пилоту до странности неожиданным.

«Отвык, — думал пилот. — Но я вернусь на Землю. Вернусь насовсем. Тогда мне останется одно — мысленные полеты по мысленным маршрутам. Обидно... — Он рассмеялся. — Доктор прав: мысль сильнее всего. Сильнее и быстрее. Но она не может дать того, что дает человеку дело».

Он вернулся к столу и отыскал подколотый к одному из актов фогоснимок. Это была увеличенная копия отрезка электрограммы. Вдоль снимка, разделенные шкалой отсчета времени, проходили две серии сложных колебаний; каждая серия представляла собой наслоение множества биотоков. Пилот долго рассматривал снимок. Он смотрел на сплетение изломанных линий и пытался представить себе, о чем думал Генеральный Конструктор в ту десятую долю секунды, когда приборы фиксировали эти колебания.

Повинуясь каким-то своим законам, мысли пилота снова вернулись к Земле. Он прислушался к шуму дождя и подумал, что вообще плохо знает Землю. На краю стола все еще лежала раскрытая книга. Пилот отыскал стихи, о которых говорил врач. Он начал их читать и остановился на строках:

Его зачаровала машина
И властно превратила сердце в солнце.

Он отложил книгу и, быстро сдвинув в сторону акты испытаний, взял последний лист записки. Только теперь пилот понял, как должна была оканчиваться последняя фраза: «Я считаю, что полет к Юпитеру корабль должен совершить без человека».

Пилот вновь стал перечитывать акты испытаний.
Дождь шуршал листьями деревьев.

* * *

Через час вернулся врач и пригласил пилота к заместителю Генерального Конструктора. Складывая в папку акты испытаний, пилот сказал:

— Завтра метеорологи должны сделать все, что в их силах. Мне нужен настоящий ураган.

— Да, — коротко произнес врач.

— Я хотел бы видеть метеорологов, — продолжал пилот. — Ураган должен быть... ну, как на Юпитере.

— Сегодня вам надо отдыхать, — возразил врач.

— Мне нужен настоящий ураган, — настойчиво повторил пилот. — Нельзя лететь к Юпитеру и не верить в машину.

— Настоящий ураган? — переспросил врач. — Послушайте... Генеральный Конструктор погиб, исследуя Юпитер. Это был тридцать седьмой полет. Мысленный полет на мысленный Юпитер. Обычная комната и обычное кресло. Но сердце не выдержало.

* * *

Пост наблюдения находился глубоко под землей. Однако и сюда, сквозь толщу земли, проникал гул урагана.

В тесной, с невысоким потолком комнате перед телеэкраном сидели двое — инженер и врач.

На экране было видно:

«Синяя птица» приближалась к ракетодому. У стартовой площадки зажглись мощные прожекторы — и тотчас погасли. Их лучи не могли пробить черную толщу

урагана. Багровый отсвет молний едва просачивался сквозь спрессованные вихрями тучи. Временами этот отсвет надвигался на «Синюю птицу», и тогда позади корабля на сплошной стене туч возникала гигантская черная тень. Молнии гасли, оставляя тускло мерцающие провалы, сквозь которые шел корабль — единственная наделенная разумом частица материи в хаосе ветра, воды, огня.

Машина была невелика — одна из тех, что совершают космические перелеты на борту просторных лайнеров, а потом спускаются для разведки неисследованных планет. «Синяя птица» предназначалась для битвы с тем, что могло подстергать ее в атмосфере чужой планеты. И все на корабле — вытянутый, без единого выступа корпус, отогнутые назад короткие, резко очерченные крылья, спрятанные до времени инфракрасные излучатели, — все предназначалось для битвы. Этой же цели служила и огромная, несоизмеримая с небольшими размерами корабля, сила ионных двигателей.

«Синяя птица» снижалась, преодолевая натиск урагана. Главной опасностью были периоды мгновенного затишья. Ураган отскакивал назад, и корабль проваливался в пустоту, в ничто. В такие мгновения из тормозных дюз вырывались острые языки белого пламени.

Над экраном мигнула желтая лампочка. В динамике послышался голос пилота:

— Я — «Синяя птица». Вызываю метеоролога.

Другой голос, вибрирующий от едва сдерживаемого волнения, ответил:

— Метеоролог слушает! «Синяя птица», главный метеоролог слушает...

— Я — «Синяя птица», — повторил пилот. — Прошу изменить программу испытаний. Вы можете сделать нечто неожиданное?

— Нельзя менять программу испытаний. Это... опасно.

— Я спрашиваю: вы можете сделать нечто неожиданное?

После некоторого раздумья метеоролог ответил:

— Да. Если прикажет заместитель Генерального Конструктора.

Инженер, пожилой очень спокойный человек, придвинул микрофон и сказал:

— Разрешаю.

— Да, — вновь послышался в динамике голос метеоролога. — Понял. Я сделаю...

— Не надо, — перебил его пилот. — Вы слышите, я не должен знать, что именно вы сделаете. Испытание должно быть неожиданным.

Инженер отодвинул микрофон.

— Я знал, что так будет, — сказал он врачу.

Руки инженера бегали по клавиатуре управления. Изображение на экране расплылось, исчезло, потом возникло вновь. Теперь была видна другая часть ракетодрома. Отсюда навстречу кораблю двигалась туча, похожая на грубо обрубленную глыбу серого гранита. Она медленно ползла, подминая обрывки других туч. И в этом безмолвном движении было больше угрозы, чем во всем бесновании урагана.

Инженер повернул рычажок настройки. Масштаб изображения на экране уменьшился, и стал виден весь ракетодром.

Туча надвигалась, постепенно заполняя небо. На взлетной площадке вновь вспыхнули прожекторы.

— Смотрите, — глухо сказал врач.

Нижняя поверхность тучи, до этого почти ровная, вдруг начала вытягиваться, превращаясь в беловатый конус. Вершина конуса быстро приближалась к земле. Казалось, туча вытянула чудовищной величины щупальце. А снизу уже тянулось другое щупальце, такое же чудовищное.

Над экраном тревожно замигал красный сигнал. Инженер включил динамик. Молодой голос с нарочитой медлительностью произнес:

— Служба безопасности полетов. Смерч с юго-востока. Антигрозовые ракеты готовы к старту. Жду распоряжений.

— Скорость... какая скорость? — спросил инженер. Динамик ответил голосом главного метеоролога:

— Семнадцать метров в секунду.

Инженер улыбнулся:

— Наконец-то наш метеоролог дорвался!..

Врач пожал плечами.

На экране было видно:

Смерч шел к кораблю.

Он шел, окутанный облаком пара. Он был похож на гигантскую змею.

Вспыхнули лучи прожекторов. Метнулись по черному небу, уперлись в извивающийся столб смерча.

Метеоролог спокойно докладывал:

— Двадцать шесть метров в секунду... Двадцать девять...

В ярких лучах прожекторов смерч казался полупрозрачным. В нем — сверху вниз — стремительно неслись клочья туч, похожие на бурые клубы дыма. Нижняя часть смерча судорожно извивалась, нащупывая опору для прыжка.

Инженер распорядился выключить свет. Прожекторы погасли, и только один луч еще некоторое время упирался в серое туловище смерча, словно пытаясь сдержать его неотвратимый натиск.

Смерч шел к «Синей птице».

Машина начала разворачиваться, и смерч (он стал теперь иссиня-черным) тотчас же двинулся ей наперерез. Динамик прохрипел:

— Снесло перекрытие ангара! Начисто снесло...

И снова молодой голос произнес с нарочитой медлительностью:

— Служба безопасности полетов. Антигрозовые ракеты готовы...

Инженер выключил динамик.

— Конец, — прошептал врач. — Теперь конец. С этим мог бы справиться только Генеральный Конструктор.

Он обернулся к инженеру:

— Прикажете... пусть передаст управление биоавтомату! Вы слышите — пусть пилот передаст управление...

Инженер ничего не ответил.

Смерч надвигался на «Синюю птицу». Он хищно изогнулся, и в центральной его части возникло черное полукольцо.

Врач бросился к двери. Инженер, не отрываясь от экрана, сказал:

— Там ураган. Осторожнее.

Пилот и врач сидели под крылом «Синей птицы». Они сидели на взрыхленной ураганом земле, еще влажной, пахнувшей сыростью. С передней кромки крыла лениво падали капли воды.

Пилот смотрел на небо. От яркого полуденного солнца небо казалось бесцветным. И только у горизонта проступала голубизна, сливающаяся с темной полоской далекого леса.

— Клесты, — сказал пилот. — Смотрите, летят клесты! Их и буря не взяла...

— Привыкли, — отозвался врач. — Они привыкли. Скажите, вы... вы с самого начала перешли на биоэлектронное управление?

— Да, — ответил пилот, внимательно наблюдая за птицами. — Я не притронулся к штурвалу. Я думал, что смогу в случае необходимости... ну, вы понимаете... А потом увидел, что он (пилот так и сказал — «он») принимает решения быстрее меня. На секунду, на полсекунды, на мгновение — но быстрее. И еще... как бы это сказать... увереннее. Словно он уже не раз проходил через это — и все знает.

— Он знает, — сказал врач, поднимая воротник плаща. — Вы... застегните куртку. После урагана погода устанавливается не сразу. Да... В «Синей птице» есть частица человеческой души. Большой человеческой души. Маркс говорил о машинах: овеществленная сила знания. Тридцать семь полетов к Юпитеру...

— Тридцать семь, — повторил пилот. — Теперь он уйдет в тридцать восьмой. Без меня. Когда смерч приближался к машине, я подумал, что можно сжать электрограммы. Как при киносъемке: запись вести замедленно, а проецировать с обычной скоростью. Мысль быстрее движения руки, но мы можем создать нечто еще более быстрое, чем мысль.

— Генеральный Конструктор для этого и пригласил вас, — сказал врач. — Он знал, что так будет. Скоро закончится монтаж новой машины. Это... для вас.

Пилот посмотрел на «Синюю птицу»:

— Неужели нельзя создать машину, которая не требует от летчика такого напряжения?

— Нет, — ответил врач. — Нельзя. Вот, скажем,

«Синяя птица». Сейчас это рекордная машина. Полет на ней невозможен без предельного напряжения физических и духовных сил. Пройдет лет десять, машину усовершенствуют — и летать на ней сможет каждый. Но к этому времени она уже не будет рекордной. Появятся новые машины. Они предъявят летчику еще более суровые требования. Генеральный Конструктор знал, что ему никогда не придется летать на настоящих машинах. «Синюю птицу» невозможно удержать в руках. С ней может справиться только человеческая мысль.

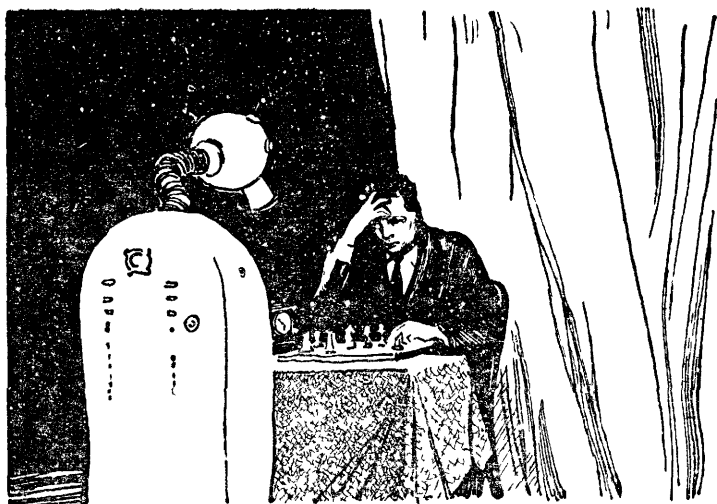
Они долго молчали. Потом пилот, все еще глядя на «Синюю птицу», произнес:

— Овеществленная сила знания... Да, это так. Хорошо сказано.

Врач улыбнулся:

— Это поэзия.

— Да, это поэзия, — согласился пилот.

МОЖЕТ ЛИ МАШИНА МЫСЛИТЬ?

Короткие рассказы

Я собираюсь рассмотреть вопрос: «Может ли машина мыслить?» Но для этого нужно сначала определить смысл термина «мыслить»...

А Тьюринг.

ТРИГГЕРНАЯ ЦЕПОЧКА

Дважды в неделю, по вечерам, гроссмейстер приходил в Институт кибернетики и играл с электронной машиной.

В просторном и безлюдном зале стоял невысокий столик с шахматной доской, часами и кнопочным пультом управления. Гроссмейстер садился в кресло, расставлял фигуры и нажимал кнопку «Пуск». На передней панели электронной машины загоралась подвижная

мозаика индикаторных ламп. Объектив следящей системы нацеливался на шахматную доску. Потом на матовом табло вспыхивала короткая надпись. Машина делала свой первый ход.

Она была совсем небольшая, эта машина. Гроссмейстеру иногда казалось, что против него стоит самый обыкновенный холодильник. Но этот «холодильник» неизменно выигрывал. За полтора года гроссмейстеру с трудом удалось свести вничью только четыре партии.

Машина никогда не ошибалась. Над ней никогда не нависала угроза цейтнота. Гроссмейстер не раз пытался сбить машину, делая заведомо нелепый ход или жертвуя фигуру. В результате ему приходилось поспешно нажимать кнопку «Сдаюсь».

Гроссмейстер был инженером и экспериментировал с машиной для уточнения теории самоорганизующихся автоматов. Но временами его бесила абсолютная невозмутимость «холодильника». Даже в критические моменты игры машина не думала больше пяти-шести секунд. Спокойно поморгав разноцветными огнями индикаторных ламп, она записывала самый сильный из возможных ходов. Машина умела вносить поправки на стиль игры своего противника. Иногда она поднимала объектив и подолгу рассматривала человека. Гроссмейстер волновался и делал ошибки...

Днем в зал приходил молчаливый лаборант. Хмуро, не глядя на машину, он воспроизводил на шахматной доске партии, сыгранные в разное время выдающимися шахматистами. Объектив «холодильника» выдвигался до отказа и нависал над доской. На лаборанта машина не смотрела. Она бесстрастно регистрировала информацию.

Эксперимент, для которого создали шахматный автомат, приближался к концу. Было решено организовать публичный матч между человеком и машиной. Перед матчем гроссмейстер стал еще чаще появляться в институте. Гроссмейстер понимал, что проигрыш почти неизбежен. И все-таки он упорно искал слабые места в игре «холодильника». Машина же, словно догадываясь о предстоящем поединке, с каждым днем играла все сильнее и сильнее. Она молниеносно разгадывала самые хитроумные планы гроссмейстера. Она громила его

фигуры внезапными и исключительными по силе атаками...

Незадолго до начала матча машину перевезли в шахматный клуб и установили на сцене. Гроссмейстер приехал в самую последнюю минуту. Он уже жалел, что дал согласие на матч. Было неприятно проигрывать «холодильнику» на глазах у всех.

Гроссмейстер вложил в игру весь свой талант и всю свою волю к победе. Он избрал начало, которое ему еще не приходилось играть с машиной, и игра сразу же обострилась.

На двенадцатом ходу гроссмейстер предложил машине слона за пешку. С жертвой слона связывалась тонкая, заранее подготовленная комбинация. Машина думала девять секунд — и отклонила жертву. С этого момента гроссмейстер знал, что неизбежно проиграет. Однако он продолжал игру — уверенно, дерзко, рискованно.

Никто из присутствовавших в зале еще не видел такой игры. Это было сверхискусство. Все знали, что машина постоянно выигрывает. Но на этот раз положение на доске менялось так быстро и так резко, что невозможно было сказать, кому достанется победа:

После двадцати девятого хода на табло машины вспыхнула надпись: «Ничья». Гроссмейстер изумленно посмотрел на «холодильник» и заставил себя нажать кнопку «Нет». Взметнулись, перестраивая световой узор, индикаторные огни — и замерли настороженно.

На одиннадцатой минуте она сделала ход, которого больше всего опасался гроссмейстер. Последовал стремительный размен фигур. Положение у гроссмейстера ухудшилось. Однако на сигнальном табло машины вновь появилось слово «Ничья». Гроссмейстер упрямо нажал кнопку «Нет» и повел ферзя в почти безнадежную контратаку.

Следящая система машины тотчас пришла в движение. Стекланный глаз объектива уставился на человека. Гроссмейстер старался не смотреть на машину.

Постепенно в световой мозаике индикаторных ламп начали преобладать желтые тона. Они становились насыщеннее, ярче — и наконец погасли все лампы, кроме желтых. На шахматную доску упал золотистый

сноп лучей, удивительно похожих на теплый солнечный свет.

В напряженной тишине пощелкивала, перескакивая с деления на деление, стрелка больших контрольных часов. Машина думала. Она думала сорок три минуты, хотя большинство сидящих в зале шахматистов считали, что думать особенно нечего и можно смело атаковать конем.

Внезапно желтые огни погасли. Объектив, неуверенно вздрагивая, занял обычное положение. На табло появилась запись сделанного хода: машина осторожно передвинула пешку. В зале зашумели; многим казалось, что это был не лучший ход.

Через четыре хода машина признала свое поражение.

Гроссмейстер, оттолкнув стул, подбежал к машине и рывком приподнял боковой щиток. Под щитком вспыхивала и гасла красная лампочка контрольного механизма.

На сцену, которую сразу заполнили шахматисты, с трудом пробился молодой человек, корреспондент спортивной газеты.

— Можно ли считать доказанным, — спросил он, — что машина играет хуже человека?

— Похоже, она просто уступила, — неуверенно сказал кто-то. — Так потрясаяще играла — и вдруг...

— Ну, знаете ли, — возразил один из известных шахматистов, — случается, что и человек не замечает выигрышной комбинации. Машина играла в полную силу, но возможности ее ограничены. Только и всего.

Гроссмейстер медленно опустил щиток машины и обернулся к корреспонденту.

— Итак, — нетерпеливо повторил тот, раскрывая записную книжку, — каково ваше мнение?

— Мое мнение? — переспросил гроссмейстер. — Вот оно: вышла из строя триггерная цепочка в сто девятом блоке. Конечно, ход пешкой не самый сильный. Но сейчас трудно сказать, где причина и где следствие. Может быть, из-за этой триггерной цепочки машина не заметила лучшего хода. А может быть, она действительно решила не выигрывать — и это стоило ей пробитых током триггеров. Ведь и человеку не так легко переломить себя...

— Но зачем этот слабый ход, зачем проигрывать? — удивился корреспондент. — Умей машина мыслить, она стремилась бы к выигрышу.

Гроссмейстер пожал плечами и улыбнулся:

— Как сказать... Иногда намного человечнее сделать именно слабый ход.

К ВЗЛЕТУ ГОТОВ!

Маяк стоял на высокой, далеко выдвинутой в море скале. Люди появлялись на маяке лишь изредка, чтобы проверить автоматическое оборудование. Метрах в двухстах от маяка из воды поднимался островок. Много лет назад на островке, как на постаменте, установили космический корабль, который вернулся на Землю после дальнего рейса. Такие корабли не имело смысла снова отправлять в Космос.

Я приехал сюда с инженером, ведавшим маяками на всем Черноморском побережье. Когда мы поднялись на верхнюю площадку маяка, инженер передал мне бинокль и сказал:

— Будет шторм. Очень удачно: перед непогодой он всегда оживает.

Красноватое солнце тускло отсвечивало на серых гребнях волн. Скала резала волны, они огибали ее и с шумом карабкались на скользкие, ржавые камни. Потом, гулко вздохнув, растекались вспененными ручьями, открывая дорогу новым волнам. Так наступали римские легионеры: передний ряд, нанеся удар, уходил назад сквозь разомкнутый строй, который затем смыкался и с новой силой шел на приступ.

В бинокль я мог хорошо разглядеть корабль. Это был очень старый двухместный звездолет типа «Дальний разведчик». В носовой части выделялись две аккуратно заделанные пробоины. Вдоль корпуса проходила глубокая вмятина. Кольцо гравитационного ускорителя было расколото на две части и сплющено. Над рубкой медленно вращались конусообразные искатели давно устаревшей системы инфразвукового метеонаблюдения.

— Видите, — сказал инженер, — он чувствует, что будет шторм.

Где-то тревожно закричала чайка, и море отозвалось глухими ударами волн. Серая дымка, поднятая над морем, постепенно заволакивала горизонт. Ветер тянул к облакам посветлевшие гребни волн, а облака, перегруженные непогодой, опускались к воде. От соприкосновения неба и моря должен был вспыхнуть шторм.

— Ну это я еще понимаю, — продолжал инженер: — солнечные батареи питают аккумуляторы, и электронный мозг управляет приборами. Но все остальное... Иногда он словно забывает о земле, о море, о штормах и начинает интересоваться только небом. Выдвигается радиотелескоп, антенны локаторов вращаются днем и ночью... Или другое. Вдруг поднимается какая-то труба и начинает разглядывать людей. Зимой здесь бывают холодные ветры, корабль покрывается льдом, но стоит на маяке появиться людям, и лед моментально исчезает... Между прочим, на нем и водоросли не нарастают...

Море наступало на островок. Волны шли одна за другой — и каждая следующая была выше и сильнее предыдущей. Насколько видел глаз, все было заполнено серыми волнами. На корабле зажглись штормовые огни.

— Вот-вот, видите! — торжествующе произнес инженер. — Сейчас он включит свой прожектор. Временами мне кажется, что он улетит. Возьмет и улетит... Был я здесь как-то ночью, так до сих пор... Понимаете, Луна поднималась над морем, и корабль... он прямо-таки тянулся к ней. Эта труба, антенны и еще какие-то штуки вот там, позади рубки, — все было устремлено к Луне. Мистика!..

Я объяснил инженеру, что никакой мистики здесь нет. На кораблях, поставленных на вечную стоянку, не выключают электронную аппаратуру. Это нужно, чтобы корабль сам о себе заботился: принимал меры против коррозии, обледенения, не допускал скопления пыли и грязи, сигнализировал при непредвиденной опасности. Случается, что электронный мозг делает и то, что совершенно не нужно: ведет наблюдение за Луной и звез-

дами, регистрирует космическое излучение, магнитные бури... Но улететь в Космос корабль не может: на нем нет экипажа, нет горючего, нет основных агрегатов гравитационного ускорителя.

Инженер с сомнением покачал головой и спросил:

— А труба? Зачем он наводит ее на маяк?

Я не успел ответить.

Над каплевидной рубкой корабля выдвинулся прожектор. Синеватый луч легко пробил нависшую над морем предштормовую дымку. Скользнув по берегу, луч уперся в основание маяка, а затем поднялся к площадке.

От яркого света я невольно закрыл глаза. Прожектор тотчас же погас.

— Смотрите! — изменившимся голосом воскликнул инженер и быстро взял у меня бинокль. — Смотрите! Этого еще никогда не было...

На корабле зажглись все бортовые огни. Они осветили черные, отшлифованные волнами камни островка и зеленоватый корпус звездолета. В борту корабля возникла щель: раздвигались створки главного люка.

— Этого... не было! — возбужденно повторил инженер.

Он не отрывался от бинокля и говорил очень громко, почти кричал. Ветер, уже набравший силу, гудел в стальных фермах маяка, и я слышал только обрывки фраз: «За сорок лет... мои предшественники... никто не знал...»

Волны захлестывали островок. Но старый корабль, выдавший великие ураганы Звездного Мира, перестал обращать внимание на надвигающийся шторм. С торжественной, даже величественной неторопливостью он делал все то, что полагается делать перед взлетом.

Из открытого люка опустился трап. Сложная система антенн приняла походное положение. В центральной части корпуса выдвинулись короткие, резко отогнутые назад крылья. За дюзами стартового двигателя появились газовые рули. Они были погнуты, эти рули, однако безукоризненно стали так, как это требовалось для короткого разбега по воде. Перископический датчик видеосистемы («труба», о которой говорил инженер) повернулся в сторону открытого моря. Трижды мигнул зеле-

ный огонь старт-сигнала, и над рубкой поднялся алый выпел.

Это был традиционный сигнал: «К взлету — готов!»

Волны перекагивались через островок, вокруг корабля кипели буруны. Мне вдруг показалось, что море неподвижно, а корабль несется вперед. Мне показалось, что слышен грохот стартового двигателя. Это длилось несколько секунд, не больше. Но я понял, почему для вечной стоянки корабля выбран этот маленький, неприметный островок.

Внезапно огни на звездолете погасли.

Мы долго ждали. Ветер все сильнее и сильнее раскачивал площадку маяка.

— Надо идти! — наклонившись ко мне, прокричал инженер и вытер мокрое лицо.

Низко, над самой водой, полыхнула до синевы накалившая молния. Протяжные громовые раскаты слились с ревом волн.

Шторм начался.

Когда мы спускались по винтовой лестнице, инженер сказал:

— Все дело в том, что он искал вас. Он всегда рассматривал людей, но только сегодня он увидел вас и открыл люк.

— Почему именно меня? — спросил я. — Ведь мы были вдвоем.

— На вас форма Звездного Флота, — ответил инженер и убежденно повторил: — Ну да, на вас форма астронавта.

Это была очень наивная идея, впрочем простительная неспециалисту. Электронные машины на старых звездных разведчиках не умеют различать одежду людей. Вероятно, машина узнала, что надвигается сильнейший шторм, и приняла самое простое в этих условиях решение — взлететь, уйти от шторма. Подняться корабль, конечно, не мог, но все-таки подготовился к взлету.

Выслушав мое объяснение, инженер неуверенно сказал:

— Что ж, возможно, все так и обстоит... Не спорю... Однако он уже сорок лет на этом островке. Сорок лет! Неужели за это время в его электронной памяти ничто самопроизвольно не изменилось?..

Я не ответил инженеру. Я думал о другом.

Звездолет был навечно прикован к камням. Над ним проносились другие корабли, всходили и заходили далекие звезды. И если хоть что-то похожее на разум теплилось в старом корабле, о чем мог думать его не знающий сна электронный мозг?

Сорок лет этот мозг был предоставлен самому себе. Только самому себе. И еще — воспоминаниям.

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Директор института, не глядя на собравшихся в его кабинете сотрудников, долго скреб густую черную бородку и наконец мрачно сказал:

— Мои юные коллеги, это скандал. Самый чистокровный скандал. Даже ультраскандал. Над нами будут смеяться.

— А что, собственно, случилось? — спокойно спросил молодой человек в ковбойке.

Директор грустно взглянул на него сквозь большие роговые очки с выпуклыми стеклами:

— Вам, руководителю экспериментальной лаборатории, это следовало бы знать. Да. Вчера ночью «Марсианин» говорил с «Аристотелем».

— Какой... марсианин? — неуверенно произнесла сидевшая у окна девушка, начальник отдела информационно-логических машин.

— Не смотрите на меня так, — отчетливо выговаривая каждый слог, сказал директор. — Я в здравом уме. «Марсианин», о котором я говорю, пишется с большой буквы и в кавычках.

Девушка смущенно улыбнулась.

— Так, — продолжал директор. — Никто не помнит. Никто не знает, о чем идет речь. Хорошо, я вам напомню. Три года назад, мои уважаемые коллеги, три года назад, когда вы еще были студентами, у нас поставили эксперимент. Человек, поставивший этот эксперимент, сейчас работает в другом городе. Да. Речь шла о том, смогут ли понять друг друга астронавт и разумный обитатель какой-либо иной планеты. Конечно, в том случае,

если они встретятся. Надеюсь, вы догадываетесь, что эта проблема имеет непосредственное отношение к нам, кибернетикам. Да. Она примыкает к проблеме кодирования и перекодирования с языка на язык.

— Совершенно верно! — воскликнул начальник отдела электронного моделирования, надевая роговые очки, очень похожие на очки директора. — Теперь я припоминаю. Были построены два автомата, которые могли общаться между собой с помощью акустических устройств. Один автомат называли «Марсианином», а другой... а другой почему-то «Аристотелем».

— То есть как это «почему-то»? — возмущился директор. — Ребенку ясно: чем большая по времени дистанция между разумными существами, тем труднее им найти общий язык. Вам, мой юный коллега, легче установить контакт с марсианином, чем, например, фараону Аменхотепу Четвертому. Поэтому первый автомат получил всю ту информацию, все те знания и представления, которые, по мнению историков, должен был иметь Аристотель или его современник-ученый, а второй... Да, со вторым автоматом было очень много неприятностей. Мы настраивали его под наблюдения астрономов, биологов, философов и этих... ну, научных фантастов. Ужасно было трудно! Сколько консультантов — столько мнений.

— Но ведь из этого опыта ничего не вышло, — осторожно сказал начальник отдела электронного моделирования, снимая мешавшие ему очки.

— Что значит «не вышло»? — с негодованием спросил директор. — Вы думаете, при первой же встрече «Марсианин» должен был броситься на шею «Аристотелю»? А может быть, вы думаете, что они сразу же должны были устроить драку?..

Директор строго оглядел притихших сотрудников и неожиданно улыбнулся.

— Тогда, три года назад, нам тоже казалось, что произойдет нечто такое... — Он сделал неопределенный жест рукой. — Первый контакт. Романтика. Да. Но ничего не произошло. Они молчали и никак не хотели говорить друг с другом. Несовершенство программирования, ошибки в конструкции. Да. И автоматы были сданы в резервное хранилище. Со строгим предписанием: хранить аккуратно! На всякий случай.

— Там всё хранят аккуратно, — сказала девушка. — Специальное помещение, постоянная температура, чистота... По ночам дежурит сотрудник.

— Какой сотрудник? — тихо спросил директор. — Разрешите полюбопытствовать: какой сотрудник? — И, не дожидаясь ответа, отчеканил: — Сторож! Самый обыкновенный сторож! Тот самый сторож, мои уважаемые коллеги, которого вы почтительно зовете дядей Васей.

— Дядя Вася очень добросовестно относится к своим обязанностям, — возразила девушка.

— Добросовестно, — согласился директор, уныло поглаживая бородку. — Даже слишком добросовестно. Вчера, в одиннадцать ночи, он позвонил мне и сказал, что эти двое... ну, «Марсианин» и «Аристотель»... вдруг начали говорить. Вы понимаете, уважаемые коллеги? Они начали говорить. Начали спорить.

— О чем? — нетерпеливо спросил юноша в ковбойке.

— Ах, вас интересует, о чем? — очень вежливо сказал директор. — Я предвидел это и потому вчера звонил вам. Вам и всем остальным. Но никого не оказалось дома. Да. И к дяде Васе я приехал один. Так вот, «Марсианин» и «Аристотель» действительно спорили. Они орали во всю мощь своих железных глоток. В зале гремело так, словно работал паровой молот.

— Значит, опыт все-таки удался! — воскликнула девушка. — О чем же они спорили?

— О чем? — спокойно переспросил директор. — А вот о чем. «Аристотель» утверждал, что в чемпионате по футболу на первое место в группе «А» выйдет команда «Крылья Советов». А «Марсианин» визгливым и вибрирующим голосом, который для него придумал один фантаст, упрямо повторял: «Чепуха, чепуха, чепуха!.. Девяносто семь и шесть десятых процента, Сын Голубой планеты за то, что победит команда «Динамо». Да! «Аристотель» сыпал фамилиями игроков, ссылаясь на спортивных обозревателей и... и попрошу не смеяться! — рявкнул директор. — Не вижу в этом ничего смешного!

— Мы не смеемся, — сказала девушка. — Мы стараемся не смеяться. Ничего не случилось. Просто эти машины плохо запрограммированы, вот и все.

— Вы так думаете? — обернулся к ней директор. — Так вот, я все выяснил. Дядя Вася, дежуря в хранилище, в течение трех лет читал вслух спортивные газеты и журналы. Он слушал передачи со стадионов. Больше того, кое-кто из вас любил заходить туда по утрам, так сказать, для обсуждения спортивных новостей. Да. И никто не вспомнил, что рядом — машины, пусть старые и плохие, но машины. Никто не вспомнил, что автоматы имеют акустические приемники и, следовательно, могут...

Голос директора потонул в общем смехе.

— Не огорчайтесь, пожалуйста, — сказал юноша в ковбойке. — Автоматы не представляют ценности; они, в сущности, не нужны. Но, если хотите, можно легко убрать эту лишнюю информацию о... футболе.

— Нет, нет, тут нужно разобраться, — возразила девушка. — Пусть автоматы считались неудачными, негодными, но теперь... теперь они спорят о футболе. Разве это не свидетельствует, что машина может мыслить, как человек? То есть почти как человек.

Директор покачал головой.

— Мой юный друг! — ехидно сказал он. — Это работают блоки анализаторов вероятности, и только. Как можно утверждать, что автоматы мыслят, когда один из них твердит о команде «Крылья Советов», а другой — о «Динамо»?! Ребенку же ясно: первенство возьмет «Торпедо». Вы когда-нибудь бываете на стадионах?..

СТРАННЫЙ ВОПРОС

Анатолий Сергеевич Складов, тридцатилетний профессор истории, удобно устроившись на диване, в сотый раз перечитывал «Трех мушкетеров». Кардинал Ришелье вызвал к себе д'Артаньяна, и это волновало Анатолия Сергеевича, хотя он знал, что все окончится благополучно. Кардинал уже вручил смелому гасконцу патент на звание лейтенанта, когда из-за стены послышался робкий стук. Анатолий Сергеевич взглянул на часы: было два часа ночи. Он отложил книгу и встал с дивана.

Вторую половину дачи снимал учитель математики — тихий, застенчивый старик. За две недели Скляров, поглощенный работой над статьей для исторического журнала, обменялся со своим соседом лишь несколькими незначущими фразами.

Анатолий Сергеевич закурил сигарету и подошел к окну. Стук повторился. Это был очень странный стук: несколько робких ударов, потом пауза и снова робкие удары.

Скляров застегнул пижаму и вышел на веранду. Математик стоял в дверях своей комнаты.

— Извините, пожалуйста, — быстро сказал он, увидев Склярова. — Я решился потревожить вас... — Он кашлянул и умолк.

— Что случилось, Семен Павлович? — спросил профессор, внимательно глядя на соседа.

Старик, как всегда, был одет в черный, тщательно отглаженный костюм. Но по галстуку, слишком яркому и наспех завязанному, Скляров понял, что произошло нечто чрезвычайное.

У Семена Павловича было очень доброе лицо, и сейчас оно показалось Склярову особенно милым и добрым. Профессор подумал, что такие лица бывают у старых детских врачей, для которых главное оружие — потемневший от времени деревянный стетоскоп и беспрдельная человеческая доброта.

— Что же случилось? — повторил Скляров.

Математик сконфуженно погладил пышные, еще сохранившие лихость усы и неуверенно произнес:

— Машина... Она сейчас будет говорить. Я полгода ждал, и вот сейчас зажглась контрольная лампочка. Вы — профессор, доктор наук, и только потому я осмелился в столь поздний час... для объективности...

Скляров хотел было сказать, что он ничего не понимает в машинах, но старик был взволнован, и Анатолий Сергеевич не стал возражать.

Они прошли в комнату, которую занимал математик. «Да, не очень уютно», — подумал Скляров, бегло оглядев комнату. Заваленный книгами стол, аккуратно прикрытая серым солдатским одеялом железная койка, пузатый шкаф с резными ножками — все было сдвинуто

в один угол. С потолка свисала на черном шнуре лампа, прикрытая вместо абажура листом картона. На стульях в беспорядке лежали подшивки потрепанных журналов, коробки с радиодетальями и инструментами. В комнате пахло ночной сыростью и цветами. Вдоль стены, на полу, выстроились стеклянные банки с распустившимися розами.

Семен Павлович показал на подоконник:

— Вот, пожалуйста, взгляните...

У открытого окна стоял очень старый радиоприемник «СИ-235». Скларов удивленно посмотрел на Семена Павловича.

— Это только футляр, — объяснил математик. Он говорил шепотом, словно боясь, что машина его услышит. — Футляр, знаете ли, не имеет значения. А машина внутри. Вы садитесь, пожалуйста...

Он принес Скларову стул, а сам продолжал ходить по комнате. Рассказывая, он снимал и надевал очки. Они были тоже старые: с круглыми стеклами и металлической оправой, оплетенной каким-то шелушащимся коричневым материалом.

— Я собрал ее полгода назад, — говорил математик. — Разумеется, вы знаете, что идет дискуссия о том, может ли машина мыслить. У меня, конечно, нет необходимой подготовки... Нет, нет, вы только не подумайте, что я собираюсь выступить со своим мнением. Я поставил маленький эксперимент... — Он смущенно улыбнулся: — Может быть, эксперимент — слишком громкое слово. Это только простой опыт, не больше. Дело в том, что Эйнштейн однажды высказал такую мысль... Вот я вам процитирую на память: «Что бы ни делала машина, она будет в состоянии решить какие угодно проблемы, но никогда она не сумеет поставить хотя бы одну». Не правда ли, глубокая мысль?.. Вы можете подумать, что я имею дерзость спорить с Эйнштейном... — Он протестующе взмахнул руками: — Нет, я только поставил опыт. Это первая машина, которая специально предназначена для того, чтобы ставить проблемы.

Скларов уже не слушал математика. Он смотрел на Семена Павловича, машинально кивал головой и думал о том, что старик даже не подозревает, насколько грандиозен его эксперимент. Анатолий Сергеевич почему-то

вспомнил другого учителя — Циолковского и почти-
тельно спросил:

— Ваша машина... она может пригодиться для ас-
тронавтики?

Математик поверх очков удивленно посмотрел на
Склярова.

— Не знаю, я об этом не думал, — произнес он из-
виняющимся тоном. — Конечно, в какой-то степени...
Скажем, для разведки неисследованных планет.

Скляров нетерпеливо перебил:

— И вы никому еще не показывали эту машину?

— Нет...

Семен Павлович окончательно смутился. Он стоял
перед профессором, высокий, худощавый, по-стариковски
нескладный и взволнованно потирал руки. Анатолий Сер-
геевич вдруг насторожился. Как всякий человек, дале-
кий от техники, он был уверен, что открытия рождаются
лишь в лабораториях, оборудованных по последнему
слову техники. В чем оно состояло, это последнее сло-
во техники, он представлял себе довольно смутно и по-
тому вкладывал в это понятие особо торжественный
смысл.

— Вы сами ее собрали? — осторожно спросил он.

— Сам, — ответил математик. Голос его звучал ви-
новато. — Трудно было только найти идею, принцип
конструкции.

— Ага, — неопределенно произнес Скляров.

Он почему-то вспомнил д'Артаньяна. После книги
Дюма легче верилось в необыкновенное. «А вдруг эта
штука и в самом деле будет работать? — подумал он. —
В сущности, все первое имело неказистый вид: пер-
вый паровоз, первый пароход... Даже первый цикло-
трон».

— Какой же вопрос задаст эта... гм... машина? —
спросил он. — Что-нибудь математическое?

— Не знаю, — ответил математик. — Право, не
знаю. Она может выбрать любую проблему — и в ма-
тематике, и, простите, в истории, и в биологии... Даже,
так сказать, из сферы практической жизни. Она, образно
выражаясь, начинена всевозможной информацией. Я, ко-
нечно, не смог бы сам заполнить всю ее память, но уда-
лось использовать готовые элементы. Мой бывший уче-

ник работает в академии, он мне и помог достать готовые элементы. Разумеется, они предназначались для других целей, но в этой машине они собраны иначе. Там, знаете ли, очень много записано. Десяток энциклопедий, разные справочники, учебники, журналы, газеты...

Склярлов вытер платком вспотевший лоб.

— И сейчас мы услышим... ее голос?

Семен Павлович быстро ответил:

— Нет, то есть да... Мы услышим азбуку Морзе.

Анатолий Сергеевич подошел к машине. Тихо поскрипывали створки открытого окна. Где-то очень близко прокричал петух. Протяжно загудел электровоз и внезапно осекся, словно испугавшись, что нарушил ночную тишину.

— Скажите, Семен Павлович, — спросил профессор, — какого все-таки рода может быть проблема? Я понимаю, вы не можете дать определенный ответ, но хоть примерно.

— Поверьте, я об этом не думал, — ответил математик. — Первый опыт... Тут важно только одно: чтобы вопрос, поставленный машиной, не был бессмысленным.

Склярлов услышал смех и вздрогнул: настолько странным показался ему сейчас простой человеческий смех. По дощатому тротуару вдоль ограждавшего сад забора шли двое. Они не спешили, и по приглушенным молодым голосам нетрудно было догадаться, что это юноша и девушка. Внезапно шаги затихли. Послышался быстрый неясный шепот. Настороженно прогудел поезд. Он быстро приближался, и торопливый стук колес поглотил все ночные звуки.

— Московский, два сорок, — сказал Семен Павлович. — Начнем, если вы не возражаете?

Профессор вернулся к стулу. Он с трудом сдерживал волнение. Анатолий Сергеевич до самозабвения любил историю. Может быть, поэтому ему казалось, что первая проблема, поставленная машиной, обязательно будет связана с историей.

— Начнем, Семен Павлович, — взволнованно сказал он и оглядел комнату. Теперь все в этой комнате показалось ему иным — значительным, даже историчным. — Начнем, — повторил он.

Математик поправил сбившийся набок галстук и,

шумно вздохнув, передвинул рычажок, выступавший из прорези на передней панели машины. Что-то щелкнуло. Послышалось негромкое шипение.

Склярлов напряженно всматривался в футляр старого радиоприемника. Динамик долго шипел, и Анатолию Сергеевичу начало казаться, что опыт не удался. Он вопросительно посмотрел на математика и в этот момент услышал прерывистую дробь азбуки Морзе. Семен Павлович бросился записывать. Склярлов не знал азбуки Морзе и нетерпеливо поглядывал то на машину, то на математика.

Сигналы оборвались так же внезапно, как и начались.

Анатолий Сергеевич вскочил со стула и подбежал к математику. Тот протянул ему оторванную от газеты неровную полоску бумаги.

— Она задала вопрос! Значит... Как вы думаете, это не бессмысленный вопрос?

Склярлов прочитал написанное. В первый момент у него мелькнула мысль: «Ну-ну. Как бы то ни было, а чувство юмора у этого ящика есть». Потом он подумал: «Станный вопрос. Очень странный вопрос. А вдруг она... серьезно?» — и подозрительно покосился на машину.

— Ну, как вы думаете, профессор? — с тревогой в голосе спросил Семен Павлович. — Вопрос... не бессмысленный?

— Мне трудно судить, — сказал Склярлов. — Пожалуй, в какой-то степени вопрос закономерный. Машина впервые получила возможность по своей... гм... по своей инициативе спросить о чем-то человека, и вот... Да, да, — уже увереннее произнес он, — вполне логично, что она начала именно с этого вопроса. Почему-то принято считать, что машина должна думать как-то... гм... по-машинному. А она если будет думать, то как человек. Вы понимаете мою мысль? Вот Луна — она светит отраженным светом Солнца. Так и машина.

Подумав, Склярлов добавил:

— Завтра же покажите эту машину специалистам. Вы слышите, Семен Павлович? Обязательно покажите ее кибернетикам. Пусть они и решают. И еще... сохраните эту бумажку.

Он передал математику полоску газетной бумаги, на которой под точками и тире была выведена аккуратным почерком одна фраза: «Может ли человек мыслить?»

«МАШИНА СМЕЯЛАСЬ...»

(Из дневника)

...Сегодня ей исполнился год.

Я хорошо помню, как год назад мы сидели здесь, в этой комнате, и молча смотрели на серый корпус машины. В одиннадцать часов семнадцать минут я нажал пусковую клавишу, и машина начала работать.

Работать? Нет, это не то слово. Машина предназначалась для моделирования человеческих эмоций. Это не первый такой опыт с самоорганизующимися и саморазвивающимися машинами. Но мы основывались на новейших физиологических открытиях и очень тщательно внесли все коррективы, рекомендованные психологами.

Год назад я спросил своих ассистентов, как, по их мнению, окончится эксперимент.

— Она влюбится, — ответил Корнеев.

— Раз-зумеется, — медленно произнес Антрощенко. — Она влюбится в тебя. Как м-ногие в институте.

Потом он добавил:

— Очень грубая модель. Она будет похожа на к-крайне ограниченного человека. Скучного ч-человека.

— Ну, а вы? — спросил я Белова.

Он пожал плечами:

— В таких экспериментах не бывает неудач. Если машина сумеет хорошо имитировать человеческие эмоции, мы дадим биологам интересный материал. Если же она... ну, если она не сработает, биологам придется кое в чем пересмотреть свои взгляды. Это тоже полезно.

Две недели машина работала превосходно, и мы получили ценнейшие данные. А затем произошла первая неожиданность: у машины вдруг появилось увлечение. Она увлеклась... вулканами.

Это продолжалось десять дней. Машина изводила нас классификацией вулканов. Она упрямо печатала на ленте: Везувий, Кракатау, Килауэа, Сакурадзима... Ей нравились старинные описания извержений, особенно рассказ геолога Леопольда фон Буха об извержении Везувия в 1794 году. Она бесконечно повторяла этот рассказ: «В ночь на 12 июня произошло страшное землетрясение, повторившееся еще 15 июня в 11 часов ночи, с сильнейшим подземным ударом. Все небо вдруг озагорилось красным пламенем...»

Потом она забыла об этом. Абсолютно забыла. Она отключила блоки памяти, в которых хранились сведения о вулканах. Такую вещь человек не способен сделать.

Эксперимент вступил в фазу непредвиденного. Я сказал об этом ассистентам, и Белов ответил:

— Тем лучше. Новые факты ценнее новых гипотез. Гипотезы приходят и уходят, а факты остаются.

— Чушь! — сказал Антрощенко. — Факты сами по себе ничего не дают. Они как далекие з-звезды...

— Прошу не трогать звезды! — воскликнул Корнеев.

Я слушал их спор, а думал совсем о другом. В этот момент я уже знал, что будет дальше.

Очень скоро мое предвидение начало сбываться. Вдруг выяснилось, что машина ненавидит созвездие Ориона и все звезды, входящие в каталог Лакайля с № 784 по № 1265. Почему созвездие Ориона? Почему именно эти звезды? Мы могли бы разобрать машину и найти объяснение. Но это значило прервать эксперимент. И мы предоставили машине полную свободу. Мы лишь подключали к блокам памяти новые элементы и наблюдали за поведением машины.

А оно было очень странным, это поведение. Машина, например, включила желтый свет, означавший плач, когда впервые узнала структурную формулу бензола. Машина никак не реагировала на формулу динатрисалициловой кислоты. Но упоминание о натриевой соли этой кислоты неожиданно привело ее в бешенство: желтый сигнал стал оранжевым, а потом лампа перегорела...

Музыка, вообще любая информация, связанная с искусством, оставляла машину бесстрастной. Но ее веселило, когда в тексте информации встречались существительные среднего рода из четырех букв. Мгновенно за-

жигался зеленый сигнал и начинал уныло дребезжать звонок: машина смеялась...

Она работала двадцать четыре часа в сутки. Вечером мы уходили из института, а электронный мозг машины продолжал перерабатывать информацию, менять настройку блоков логического управления. По утрам нас ожидали сюрпризы. Однажды машина начала сочинять стихи. Странные стихи: о драке «горизонтальных кошек» с «симметричным меридианом»...

Как-то я приехал в институт ночью. Машина стояла в темной комнате. На приборном щите светилась только небольшая фиолетовая лампа: это означало, что у машины хорошее настроение.

Я долго стоял в темноте. Было очень тихо. И вдруг машина рассмеялась. Да, она рассмеялась! Вспыхнул зеленый сигнал и тоскливо задрезжал звонок...

...Сейчас, когда я пишу эти строки, машина снова смеется. Я сижу в другой комнате, но дверь приоткрыта, и я слышу взвизгивание звонка. Машина смеется над квадратными уравнениями. Она ворошит свою огромную память, отыскивает тексты с квадратными уравнениями — и смеется.

Когда-то Клод Бернар сказал: «Не бойтесь противоречивых фактов — каждый из них зародыш открытия». Но у нас слишком много противоречивых фактов. Иногда мне кажется, что мы просто-напросто создали несовершенную машину...

Или — все правильно?

Вот моя мысль:

Нельзя сравнивать машину с человеком. В нашем представлении роботы — это почти люди, наделенные либо машинной злостью, либо машинным сверхумом. Чепуха! Наивен вопрос, может ли машина мыслить. Надо одновременно ответить «нет» и «да». Нет — ибо мышление человека формируется жизнью в обществе. Да — ибо машина все-таки может мыслить и чувствовать. Не как человек, а как некое другое существо. Как машина. И это не лучше и не хуже, чем мышление человека, а просто — иначе.

Машина может определить температуру воздуха с точностью до тысячных долей градуса, но она никогда не почувствует и не поймет, что такое ветер, ласкающий

кожу. А человек никогда не почувствует, что такое изменение самоиндукции, никогда не ощутит процесса намагничивания. Человек и машина — разные.

Машина только тогда сможет мыслить, как человек, когда она будет иметь все то, что имеет человек: родину, семью, способность по-человечески чувствовать свет, звук, запах, вкус, тепло и холод...

Но тогда она перестанет быть машиной.

СКУЧНЫЙ КАПИТАН

Кравцов подарил мне пять шаровых молний. Две из них сохранились у меня до сих пор. Одна — размером с апельсин, излучающая мягкий сиреневый свет, — висит в прихожей. Я думаю, эта молния просуществовала еще с полгода. У нее, как сказал бы Кравцов, очень милый и спокойный характер. Другая молния не больше грецкого ореха. Она лимонно-желтого цвета, но иногда становится красной и жужжит. Ее никак нельзя удержать на одном месте, она стремится проникнуть в самые неподходящие уголки. Однажды она оказалась в

кармане моего плаща. Я обнаружил это только на улице. Теперь я держу эту молнию в цветочной вазе, прикрытой сверху двумя толстыми книгами. Из вазы ей уже не выбраться!

Впрочем, я зря заговорил о молниях. Рассказ о Кравцове надо начинать с его спасения.

Это было год назад, осенью. Аварийно-спасательное судно «Гром», на котором я служил старшиной водолазов, стояло на бакинском рейде. Сигнал бедствия мы приняли в полночь, в самый разгар шторма. Надо сказать, бакинская бухта словно нарочно предназначена для пережидания штормов. Представьте себе подкову, у открытого конца которой расположен двугривенный. Так вот, подкова — бакинская бухта, а двугривенный — остров Наргин. Вся ярость шторма разбивается об этот небольшой островок, лежащий у входа в бухту. Конечно, в шторм и по бухте ходят волны, но это уже не страшно.

Однако в ту ночь даже в бухте творилось нечто невообразимое. Ветер то и дело менял направление, налетал рывками, словно примеривался, как одолеть суденышко. Видимость была отвратительная. Над волнами носилась густая водяная пыль. Огни города, обычно яркие и ясные, заволокло дымкой. Над морем поднялось расплывчатое красноватое зловещее зарево.

Как я уже сказал, сигналы бедствия мы приняли в полночь. Капитан запросил аварийно-спасательное управление и — чтобы не терять времени — приказал сниматься с якоря. У команды сразу поднялось настроение. Мы знали: теперь шторм быстро утихнет. Вы спросите, откуда мы это знали? Тут дело не в метеорологии, а в нашем капитане — Николае Алексеевиче Воробейчике. Капитан Воробейчик напоминал бухгалтера. Еще молодого (ему шел тридцать четвертый год), очень старательного, аккуратного бухгалтера, который со временем обязательно станет главным бухгалтером. У капитана было мягкое, даже застенчивое веснушчатое лицо (отнюдь не обветренное и не загорелое, загар не брал Воробейчика, не знаю почему), белые брови, тщательно зачесанные на пробор светлые волосы. Говорил Воробейчик негромким и каким-то поскрипывающим голосом. Я думаю, что такие слова, как «пожалуйста» или «будьте любезны», он

употреблял чаще, чем все остальные капитаны Каспийского пароходства вместе взятые.

Должен сразу сказать, что Воробейчик знал толк в морском деле. О том, что на корабле у нас был идеальный порядок, даже говорить не приходится. Все это так. Не было в капитане только морской лихости, и экипаж, состоявший из молодых парней, ценивших романтику моря, не мог не жалеть об этом. Иногда, знаете ли, приятно услышать с мостика рев этакого просоленного морского волка: «Гром и молния! Все наверх, по местам стоять, с якоря сниматься!» Без всяких «пожалуйста»... И потом, Воробейчику слишком везло. У нас твердо верили: шторм может начаться только тогда, когда Воробейчик привел корабль в порт. И наоборот: стоит Воробейчику отдать команду о выходе в море, и любой шторм немедленно утихнет. За год моей службы на «Громе» не было ни одной аварии, ни одного ЧП, все шло тихо и гладко. С другими кораблями могли произойти (и происходили!) всевозможные неприятности. Другие корабли могли попасть (и попадали!) в разные переделки. У Воробейчика же ничего подобного не случилось. Есть, знаете ли, такой порошок — против акул; бросишь в воду таблетку — и купайся сколько угодно, ни одна акула не сунется: запах у порошка такой, что они его не выносят. Так вот, Воробейчик был сильнее порошка: любая беда старалась обойти его за три кабельтова...

Так получилось и в тот раз. Едва Воробейчик отдал приказ поднять якорь, как ветер начал заметно спадать. А когда мы вышли из бухты, шторма уже не было. Дул, конечно, свежий ветер, море пошаливало, но шторм как-то сразу сник. Воробейчик сказал старпому: «В случае чего вы, пожалуйста, меня вызовите», — и спустился в свою каюту. Но, как вы понимаете, за ночь ровным счетом ничего не произошло. Воробейчику, как всегда, везло.

К утру мы были в районе острова Сломанная Челюсть. Корабль, с которого приняли сигналы бедствия, затонул часа за три до нашего прихода. Команду подобрал идущий порожняком танкер. Исчез только пассажир — единственный на борту «Пытливого» (так назывался погибший корабль). Нам приказали тщательно

осмотреть место гибели «Пытливого» и попытаться отыскать этого пассажира.

Капитан вызвал меня на мостик. В руках у Воробейчика была радиогамма. Он перечитывал ее, и лицо его выражало откровенное недоумение. Такое лицо должно быть у бухгалтера, увидевшего вдруг, что в расчетную ведомость вписаны две строчки из опереточной арии.

— Послушайте, старшина, — сказал он, глядя в радиогамму, — мы будем искать «Пытливое»... Поставим буи... — Он принялся снова перечитывать радиогамму. Потом аккуратно сложил бланк и спрятал его в карман кителя. — Знаете, старшина, что у них в трюме?

«Пытливый» был гидрографическим судном Академии наук. Я ответил, что в трюме должны быть приборы, какое-нибудь научное оборудование.

Воробейчик вежливо улыбнулся.

— К сожалению, вы ошибаетесь. Там у них молнии.

— Какие молнии? — не понял я.

— Шаровые, — спокойно ответил Воробейчик. — Четыре сотни шаровых молний. Простите, если говорить точно, то четыреста семь штук. Скажите, пожалуйста, вам никогда не приходилось поднимать со дна... молнии?

Ответить я не успел. Вахтенный сигнальщик закричал: «Человек за бортом!» — и все бросились к правому борту.

За бортом был не человек, а надувная резиновая лодка. И в ней действительно находился человек. В бинокль отчетливо виднелась крупная белая надпись на шлюпке: «Пытливый». Воробейчику даже не пришлось искать потерпевшего крушение, этот парень сам отыскался. Но, клянусь вам, это был очень странный парень, во всяком случае самый странный из всех когда-либо терпевших крушение.

Судя по всему, он даже не очень радовался, что его нашли. Он пел нечто пиратское, аккомпанируя себе на гитаре. Время от времени откладывал гитару, опускал за борт туфлю, набирал воду и поливал чемодан, занимавший чуть ли не половину шлюпки. А потом снова принимался за гитару и пел во весь голос:

Люблю, когда трепещут паруса
И капитан потянет ветер носом...

Да сохранят пиратов небеса!
Святая дева, помоги матросам!

Мне надоела эта тишь да гладь,
Давно пора ее к чертям послать,
Эх, братцы!
Вот свежий ветер — это благодать!
Не правда ли?
Да, братцы!

— Нервное потрясение, — констатировал наш корабельный врач. — Такие случаи описаны в медицинской литературе. Нужно скорее его подобрать!

Но этот парень, кажется, не очень хотел быть спасенным. Когда «Гром» подошел к шлюпке, он весело крикнул:

— Куда держите курс, друзья?..

Ну, тут мы без лишних слов втащили его на палубу. Вместе с чемоданом, потому что он вцепился в этот чемодан обеими руками.

— Благодарю вас, — сказал он, осторожно поставив чемодан на палубу. — Будем знакомы: Олег Павлович Кравцов, кандидат физико-математических наук.

Это была святая правда, и мы очень скоро убедились, что Кравцов действительно физик и действительно кандидат наук. Но тогда, на палубе, он походил скорее на бригадира портовых грузчиков. Представьте себе здорового дядю ростом чуть поменьше двух метров, в майке и закатанных до колен мокрых брюках. Да, будь он водолазом, на него едва бы налез комбинезон самого большого размера... Лицо у Кравцова было приятное, это я сразу заметил. Знаете, такое открытое, веселое лицо, скуластое, слегка курносое, с широко расставленными голубыми глазами и крупными белыми зубами, которыми, наверное, можно было перегрызть якорную цепь. Он все время улыбался и вообще был очень доволен собой и всем окружающим.

— Вы с «Пытливого»? — спросил капитан.

Кравцов кивнул головой:

— Именно оттуда. Так сказать, потерпевший крушение. С детства мечтал о таком приключении. — Он рассмехался и сказал доверительно: — Мне с самого начала

казалось, что произойдет какое-нибудь приключение. Я даже заранее присмотрел, где лежит эта шляпка. Сейчас все переплывают океаны на плотках, на шляпках... Скажите, а куда занесло бы меня это течение?

Воробейчик нахмурился (он не выносил легкомысленных людей), пожевал губами и сказал тусклым голосом:

— Что ж, очень приятно... Да, очень приятно. Проводите его, ребята, в кают-компанию. И вы, доктор, пожалуйста, посмотрите, что ему нужно.

— Поесть ему нужно, — буркнул корабельный врач, — больше ничего. Здоров, как... — Он помедлил, подыскивая, видимо, какое-то оригинальное выражение, потом вздохнул и закончил: — Здоров как бык.

Все свободные от вахты пошли с Кравцовым в кают-компанию. Чемодан он тащил сам, а гитару и туфли торжественно несли ребята: Кравцов как-то сразу всем понравился.

В кают-компанию наш кок моментально накрыл стол. Второй помощник капитана принес отглаженные брюки, механик — новенький китель (застегнуть китель Кравцов, конечно, не смог: пуговицы не сошлись). Словом, через пять минут Кравцов, как он выразился, приобрел вид, удобный для логарифмирования.

— А теперь, — сказал он, расправившись со второй порцией котлет, — теперь посмотрим, как поживают мои зверушки.

Он поставил чемодан на стол, нежно погладил крышку (мне почему-то запомнилось каждое его движение), ловко щелкнул замком и...

Вот здесь это и произошло.

Мы увидели молнии и слышали гром. То есть грома, собственно, не было. Просто кто-то опрокинул стул, а кок выпустил из рук поднос с компотом. Но молнии были — самые настоящие шаровые молнии.

Я еще в детстве видел шаровую молнию. Это случилось в Пятигорске, во время грозы. Однако ту молнию я видел издали, а эти лежали в двух шагах от меня. Их было не меньше дюжины, и они доверху заполняли чемодан. Самые крупные имели размер с кулак нашего боцмана, то есть сантиметров пятнадцать в поперечнике.

Все они отличались друг от друга цветом. Только две, совсем небольшие, были черными, остальные имели окраску — сиреневую, зеленоватую, оранжевую, желтую... Одна, например, излучала тусклый серый свет, другая — ярко-красный...

Когда Кравцов открыл чемодан, в кают-компании сразу стало просторно: все отскочили к стенкам. И тогда наступила такая тишина, что отчетливо слышалось слабое жужжание молний. А потом Кравцов взял в руки зеленоватую молнию.

— Ну что ты жужжишь? — нежно спросил он. — Тебе не нравится это соседство? Ладно, мы тебя переложим. Возьмем и переложим... — Он сунул молнию в карман брюк; жужжание прекратилось. Кравцов удовлетворенно улыбнулся: — Ну, вот и отлично!..

Это было уж слишком!

Мы обалдели — другого слова не подберешь. Да, мы обалдели и не могли сказать ни слова.

— Так это и есть ваши молнии? — раздался в дверях спокойный голос капитана. — Значит, часть вы спасли?

— Они самые, — улыбнулся Кравцов. — Но четверста семь штук потонуло. Основной груз. Отборные, стандартные молнии... А в этом чемоданчике я вез экспериментальные образцы. Понимаете?

Воробейчик, видимо, понимал. Зато мы не понимали ничего, абсолютно ничего! И тут, знаете, словно плотина прорвалась: все наперебой начали задавать вопросы. Но к столу никто не подошел. Откровенно говоря, мы просто боялись. Представьте себе, что кто-то открыл на столе чемодан, наполненный змеями; может быть, они и дрессированные, однако все-таки страшновато... Согласитесь, что шаровая молния несколько не лучше (во всяком случае, на первый взгляд) ядовитой змеи!

— Тихо, ребята, — сказал капитан. — Товарищ Кравцов все вам сейчас объяснит.

— Только не сейчас! — взмолился Кравцов. — Прежде всего надо отыскать «Пытливую» и попробовать поднять груз... Ну ладно, — неожиданно уступил он. — Ладно. В двух словах объясню. Природные шаровые молнии дикие, неустойчивые. Они иногда достигают огромных размеров, до десяти метров в диаметре, но су-

шествуют недолго, не больше двух-трех минут. Ну вот, мы и поставили задачу... Шаровая молния, друзья, это прекрасный аккумулятор энергии. Во много раз выгоднее транспортировать энергию в виде шаровых молний, чем передавать ее по проводам или запастись в виде горючего. Вот посмотрите. — Он взял из чемодана крупную желтую молнию. — Весит эта штука пустяки, граммов десять, а энергии в ней достаточно, чтобы в течение года приводить в движение трактор. Правда, мы еще не научились делать молнии, сохраняющиеся годами. Пока они у нас живут, как правило, недолго: восемь — десять месяцев, изредка год-полтора.

Он небрежно бросил молнию в чемодан и взял другую, очень яркую.

— А вот это другой сорт, для освещения. Света она дает как трехсотсвечовая лампа — и не перегорает, не разбивается... Эта вот, черная молния, в основном испускает тепловые, инфракрасные лучи. Сейчас у нее, правда, сероватый оттенок, но, когда мы усовершенствуем такие молнии, они будут на вид совсем черными.

— А они... того... не опасны? — спросил кто-то.

Кравцов рассмеялся:

— Попробуйте, подержите в руках! — Он оглядел нас. — Ну, кто решится?

К чести наших ребят надо сказать, что никто не испугался. Все шагнули вперед, к чемодану.

— Вы только окна закройте, — сказал Кравцов, показывая на иллюминаторы. — Мои зверушки могут улететь. У них такой строптивый характер...

Я осторожно взял из чемодана сиреневую молнию. Странное это было, доложу вам, ощущение! Примерно такое, как будто вы пытаетесь удержать в руках каплю ртути. Вроде и есть что-то в руке, а чуть нажмешь — и все ускользает... Молнии действительно почти ничего не весили, во всяком случае, не больше, чем детские воздушные шарики. Сиреневая молния оказалась совсем холодной, а красную трудно было удержать в руках. Наш кок, схвативший ее, сейчас же бросил обратно в чемодан.

— Осторожнее, товарищи! Пожалуйста, осторожнее! — повторял Кравцов. — С ними нужно обращаться нежно. Сейчас я вам покажу...

Но показать ему не удалось. Нас — Кравцова и меня — позвали наверх, к капитану. Кравцов сложил молнии в чемодан, и мы пошли на мостик.

— Вот он, ваш «Пытливый», — сказал Воробейчик. — Полюбуйтесь.

Любоваться, собственно, было не на что. Из воды торчали только верхушки мачт. «Пытливый», напоровшись на скалы, затонул метрах в ста от острова Сломанная Челюсть.

Представьте себе две скалистые гряды, поднявшиеся из моря и протянувшиеся параллельно друг другу на четверть мили. Скалы были черные, невысокие и торчали, как изломанные зубы. Я хорошо знал эту Сломанную Челюсть. Здесь погибло немало кораблей. В шторм волны свободно гуляли над скалами, а огонь небольшого маячка, установленного на одной из скал, был плохо виден... Да, Сломанная Челюсть умела крепко кусаться!

— Глубина небольшая, — сказал капитан. — Метров пять-шесть. Ну, что вы думаете, старшина? Сможем мы вытащить эти молнии? Заметьте, пожалуйста, дело добровольное. Так мне из управления радиовали. Кто знает, как они себя будут вести под водой...

— Да, очень интересно! — подхватил Кравцов. — Мы таких экспериментов еще не ставили. Пока, надо полагать, молнии сохранились, но... Если одна взорвется, грохнут и все остальные. Тогда от этого островка только дым останется. Знаете что? — Он обернулся к капитану: — Дайте мне акваланг, я сам полезу. Я могу. Ну, идет?

Воробейчик долго жевал губами, потом спросил меня:

— Как вы думаете?

Я ответил, что готов спуститься. Но если Кравцов действительно может пользоваться аквалангом, то лучше идти вдвоем, потому что у этих молний, как заметил сам Кравцов, строптивый характер.

— Решено! — воскликнул Кравцов. — Идем вместе. Я объяснил ему, что на корабле решает капитан.

Воробейчик еще долго жевал губами и скучно смотрел на торчавшие из воды мачты.

— Пойдете вдвоем, — сказал он наконец. — Мол-

нии будете грузить на шлюпку и свозить на островок, вон туда, видите? Я вызову по радио баржу, рисковать кораблем мне не хочется.

Должен признаться, первый раз было страшиновато идти под воду. Мне дважды приходилось разряжать мины, но это детская игра по сравнению с подъемом молний. Мина — только черный ящик, а эти молнии светились. И как светились! Когда мы добрались до трюма и увидели их, у меня появилось огромное желание поскорее удрать на поверхность... Молнии излучали какой-то совершенно фантастический свет — яркий, искрящийся, трепещущий. Это было страшно, но красиво. Вы знаете, подводный мир богат красивыми зрелищами. Если, например, лечь на спину и смотреть сквозь небольшие волны на солнце, вы увидите изумительную игру красок. Но такой красоты мне еще не приходилось видеть. Я даже не знаю, как об этом рассказать. Ну, скажем, возьмите бриллианты, сотни бриллиантов, увеличьте каждый из них до размеров крупного арбуза, бросьте в воду и осветите... Вода была зеленовато-синяя («Пытливый», как я уже говорил, затонул на небольшой глубине), очень чистая, а молнии излучали желто-оранжевый свет. Получалось совершенно необыкновенное, феерическое зрелище: вся толща воды светилась переливающимися, сверкающими, ослепительно яркими красками — от лимонно-желтой до пурпурной.

Да, я забыл сказать, что молнии двигались. Они плавали, медленно покачиваясь, как большие медузы, и это создавало непередаваемую игру красок. При выдохе из акваланга вырывается целая стайка пузырьков; так вот, самым изумительным было свечение этих пузырьков. Не знаю, в силу каких законов оптики это происходило, но каждый пузырек светился изнутри, причем свет этот был совсем другим, чем свет воды. Пузырьки отсвечивали красным, оранжевым, желтым, вода же почти все время имела более мягкую окраску — пурпурную, зеленоватую, голубую. Я никогда не думал, что сочетания красок могут быть такими щедрыми, буйными...

Кравцов поймал одну молнию и внимательно рассмотрел ее. Мне показалось, что он не очень доволен и чего-

то опасается. То есть чего именно он может опасаться, я представлял. Но первый, так сказать, испуг прошел, и почему-то не хотелось верить, что может произойти катастрофа.

Потом Кравцов спустился в трюм и начал отбирать молнии. Насколько я понял, он в первую очередь отбирал самые опасные. Я обратил внимание — они были ярче, светлее других.

А в общем, возни с этими молниями было достаточно. Мы поднимали их по две-три штуки: Кравцов ловил сеткой, передавал мне, а я уже вытаскивал их наверх и складывал в шлюпку. Когда молний набиралось штук двадцать — двадцать пять, я брался за весла и греб к островку. Здесь я укладывал молнии в неглубокую, прикрытую брезентом пещеру. И снова возвращался под воду, к Кравцову. Каждый час мы устраивали перерыв. К нам подходил катер («Гром» стоял кабельтовых в двух от нас, Кравцов запретил приближаться), и, пока мы отдыхали, ребята меняли баллоны на аквалангах — сжатый воздух в этих аппаратах быстро расходуется.

Мы начали работу в одиннадцать часов. К шести вечера на «Пытливом» оставалось сотни полторы молний, не больше. Мы снова заправили акваланги. Я рассчитывал до темноты все кончить. Но случилось иначе.

В первый момент я не сообразил, что произошло. Мы возились в трюме (молнии бегали, как живые, и не хотели идти в сеть), и вдруг я почувствовал, что наверху что-то случилось. Вода потемнела, послышался глухой гул. А потом явственно донесся шум винтов. В таких случаях водолаз не ошибается: я понял, что «Гром» уходит.

Шквал налетел внезапно — осенью на Каспии случается такое. «Гром» не мог не уйти, иначе его выбросило бы на скалы. Он должен был уйти, не теряя ни одной минуты. У Воробейчика не оставалось времени предупредить нас, надо было спасать корабль, экипаж. На его месте я поступил бы так же.

Мы остались на Сломанной Челюсти.

Я вывел Кравцова на островок. Нам удалось выбрать-ся на берег, добежать до пещеры и залезть под брезент.

Мы сняли акваланги, отдышались. В пещере было светло и тепло — от молний.

А ветер крепчал. Сразу навалилась темнота. Глаза чертовски устали от яркого света молний, и я почти ничего не видел. Да и что можно было увидеть? Пещера находилась метрах в тридцати от моря. Волны с яростью насккивали на островок, заливали скалы, вздымались в небо грязно-серой стеной...

Все это произошло за какие-нибудь четверть часа, может быть даже меньше.

— Ну, как приключение? — спросил я Кравцова.

— Вполне, — ответил он. — Интересно, что будет дальше.

Этот парень, кажется, никогда не унывал. Я объяснил ему, что ничего страшного нет: отсидимся здесь, пока не пройдет шквал, потом вернется «Гром» и подберет нас.

— Все, как в приличном романе, — сказал Кравцов. — Кораблекрушение, необитаемый остров, сокровища погибшего корабля... Между прочим, еще никогда робинзоны не имели такой энерговооруженности. Здесь две с половиной сотни молний, значит... да, энергии примерно как в десяти железнодорожных эшелонах с горючим. И обратите внимание, как великолепно упакована эта энергия: нам даже не жарко.

Он замолчал, и я заметил на его лице выражение озабоченности.

— Да, забавные они, эти зверушки, — продолжал он нарочито веселым голосом. — Почти пустота... Газовая плазма: смесь атомных ядер газа и сорванных с них электронов. Лет через пять молнии станут товаром широкого потребления. Вы сможете прийти в магазин и сказать: «Заверните парочку...»

Я понимал, что Кравцов нарочно затеял этот разговор. Его что-то волновало, и он хотел отвлечь меня. Я спросил, почему молнии не распадаются.

— Магнитное поле, — ответил Кравцов. — В физике это называется пинч-эффектом или эффектом сжатия. Сначала возникает электрическая дуга в виде столба, затем под влиянием собственного магнитного поля столб газовой плазмы сжимается и превращается в пар. Сжатая плазма разогревается, начинает светиться. Можно

Кравцов поймал одну молнию...

даже получить такое сжатие, при котором в плазме начнется...

Он не закончил фразы. Сверху на брезент что-то упало. Я быстро вылез из пещеры и, когда глаза привыкли к полумраку, увидел, что это была наша надувная шлюпка; ее выбросило на островок волной. С трудом мне удалось втащить шлюпку под край брезента. Поверх брезента я навалил камни.

Ветер стал плотным, жестким, капли воды резали лицо, как градинки. Я снова забрался в пещеру. Кравцов рассматривал оранжевую молнию и мрачно пел:

Мне надоела эта тишь да гладь,
Давно пора ее к чертям послать,
Эх, братцы...

Увидев меня, он замолчал и поспешно отбросил молнию.

— Все-таки приятно терпеть крушение с таким грузом, — сказал он. Голос у него был фальшиво-бодрый. — Для робинзонов целая проблема зажечь костер, а у нас в неограниченном количестве тепло и свет...

— Послушайте, Олег Павлович, — прервал я его. — Давайте говорить начистоту. Что случилось? Вы, я вижу, чем-то встревожены.

Он посмотрел на меня, потом начал возиться со своим аквалангом.

— Говорите, — настаивал я. — Незачем нам играть в прятки.

— Ладно, — хмуро сказал он. — Понимаете... зверушки взбунтовались. Под водой повышенное давление, процесс образования нейтральных атомов из газовой плазмы ускорился. Остановить это уже нельзя. Молнии разогреваются. Видите, они становятся светлее. И очень скоро...

Он замолчал.

— Взрыв? — спросил я.

Кравцов нехотя кивнул.

— Да. Молний-то мне, в общем, не очень жаль. Это пробная партия. Мы испытывали их выносливость при транспортировке: возили по железной дороге, потом на самолете, на корабле... Они всё прекрасно выдержали.

А на пребывание под водой они не рассчитаны. Нет, их не жаль. Но вот куда мы денемся?..

— Через сколько времени... взрыв?

— Часа через полтора.

— А если выбросить?

Кравцов невесело усмехнулся:

— Думал об этом. Не годится. Представляете, куда их отнесет таким ветром? Могут быть несчастные случаи, даже катастрофы. Это же не обычные молнии, они начинены энергией в тысячи раз большей... Нет, ни в коем случае!

— Тогда надо утопить.

— Молнии легче воды, они не утонут. И самое главное — под водой они тоже взорвутся...

Я прислушивался к реву ветра. Шквал прошел, сейчас просто дул крепкий ветер. Но было бы безумием уйти в море на надувной шлюпке. Кравцов тоже так думал.

— Может быть, придет «Гром»? — спросил он.

На это я почти не рассчитывал. «Гром» находился, конечно, где-то недалеко, но Воробейчик ни за что не подойдет к Сломанной Челюсти при такой погоде. Он будет выжидать. Тем более, он даже не знает, что молнии должны взорваться.

Я в нескольких словах объяснил Кравцову, какой характер у нашего капитана.

— Вы так думаете? — задумчиво произнес Кравцов. — А мне показалось, что капитан... как бы это объяснить... Вот в прошлом такие капитаны открывали Землю. Ну, а в будущем полетят к Венере, к Марсу, к звездам...

Я представил себе Воробейчика, ведущего звездолет, и пожал плечами.

— Вы думаете, туда полетят какие-то совершенно особые люди? — спросил Кравцов. — Нет. Они будут такие, как Воробейчик, как вы... Да, да! А потом, лет через сто, о них сложатся легенды, и в этих легендах они станут сказочными богатырями... Между прочим, — он улыбнулся, — у моих молний разные характеры. Есть упрямые, злые, хитрые. Есть спокойные, добрые. И я обратил внимание, что самые хорошие молнии — черные — всегда скромны. Они не разбрасывают искры,

не жужжат, не спят глаза. Но энергии и, я бы сказал порядочности в них больше, чем в назойливо жужжащих... Давайте все-таки посигналим, а? Вот послушайте...

Надо отдать должное Кравцову. Я тогда еще не очень представлял себе, что такое взрыв молний. За день я привык к молниям, и они казались мне довольно безобидными. А Кравцов знал свсих зверушек. Однако он не струсил и голова у него по-прежнему работала крепко.

Он придумал неплохую штуку. Во всяком случае, это давало нам какой-то шанс на спасение. Надо было взять молнию, взобраться на вершину скалы и, прикрывая молнию куском брезента, отсигنالить на «Гром». Правда, мы не знали, в каком направлении находится корабль, но молния светила вкруговую, на все тридцать два румба.

...Невесело было выходить из теплой пещеры. За день мы дьявольски устали, а взобраться на крутую скалу трудно и со свежими силами. Признаюсь, у меня вновь мелькнула мысль выбросить эти проклятые молнии — пусть ветер несет их куда угодно. Но я ничего не сказал Кравцову. Да, уж если попадать в беду, то с хорошим товарищем!

Мы отрезали кусок брезента от большого полотнища, прикрывавшего ход в пещеру. Кравцов выбрал яркую молнию и опутал ее сеткой. И мы полезли наверх. Скала была невысокой, метра три с половиной, может быть четыре. Но я почти ничего не видел. Глаза, воспаленные от яркого света, болели и слезились. Казалось, что все вокруг погружено в абсолютный, непробиваемый мрак. Молнию нам пришлось сразу же завернуть в брезент: она слепила.

Эти четыре метра запомнились мне на всю жизнь. Холодный и мокрый ветер заставлял прижиматься к скале, а скала была острая и колючая. Я до крови ободрал руки, изрезал ноги, ушиб плечо. И если я все-таки взобрался наверх, то только благодаря Кравцову. Он буквально забросил меня на вершину скалы, а я его уже не смог втащить...

Сигнал бедствия — это девять вспышек: шесть коротких и три длинных. Молния рвалась на ветру, я привязал сетку к поясу, потому что руки были заняты брезентом.

Я ничего не видел, вспышки молнии совсем ослепили меня. От яркого свега глаза резала нестерпимая боль. Мной вдруг овладело какое-то безразличие. Я решил, что «Гром» не придет: Воробейчик не решится приблизиться к Сломанной Челюсти. Но я сигналил. Три точки, три тире, три точки... Сначала я еще считал сигналы, потом сбился, перестал. Руки работали машинально. Три точки, три тире, три точки...

Не помню, сколько прошло времени. Кравцов потянул меня за ногу. Я обернулся — в море плясала светлая полоса. Это был прожектор.

«Гром» шел к острову!

Я сполз со скалы. Кравцов отвязал сетку с молнией и потащил меня вниз, к пещере. Он догадался приложить мне мокрую тряпку к глазам. Боль немного утихла, стала гупой, ноющей.

Через полчаса за нами пришла шлюпка с «Грома». Я до сих пор не знаю, как ребятам удалось подойти к скалам. Волны гремели так, что не было слышно даже крика. Шлюпку заливало, приходилось все время вычерпывать воду.

Едва поднявшись на «Гром», Кравцов крикнул:

— Капитан, скорее уходите... Скорее!

Я не видел Воробейчика — глаза болели и мне было трудно их открыть, — но я услышал голос Воробейчика, вежливый, поскрипывающий, очень спокойный:

— Не беспокойтесь, пожалуйста. Мы успеем уйти.

Я заставил себя открыть глаза. Мне хотелось посмотреть на Воробейчика. Клянусь вам, он был такой же, как всегда!

— Спешите, капитан, спешите, — настаивал Кравцов. — Молнии вот-вот взорвутся!

— Спасибо, я это учту, — ответил Воробейчик. — Но особенно спешить нам невыгодно. Взрыв даст волну — как цунами. Она идет со скоростью самолета. Мы от нее все равно не уйдем. А машины надо беречь.

Кравцов рассмеялся, сказал: «Вы правы, капитан», — и начал насвистывать свою песенку.

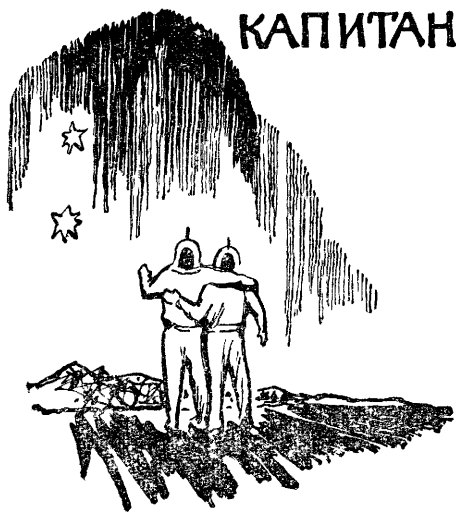
Молнии взорвались только через час, когда «Гром» был уже в пятнадцати милях от острова.

Я сдвинул повязку, которую мне успел наложить доктор, и вместе со всеми выскочил на палубу. За кормой,

прорезав темноту ночи, возник ослепительно яркий желтый диск. В первый момент это было похоже на солнце, наполовину скрытое горизонтом. Потом огонь вытянулся вверх, стал сиренево-белым, осветил бушующее море и внезапно погас, оставив медленно расползающееся мерцающее красноватое зарево.

Остров Сломанная Челюсть перестал существовать.

Легенды звездных КАПИТАНАХ

«Дерзаты!» Когда дыхание урагана,
Сто старых солнц на небе потушив,
Выводит молодые из тумана,
«Дерзаты! Дерзаты! Дерзаты!» —
вот наш призыв!

Иоганнес Р. Бехер.

ИКАР И ДЕДАЛ

«Будь мне послушен, Икар!
Коль ниже свой путь ты направишь,
Крылья вода отягчит;
Коль выше — огонь обожжет их»
Овидий, «Метаморфозы».

Это было давно. Время стерло в памяти поколений подлинные имена тех, кто летел к Солнцу. По именам кораблей люди стали называть их — Икар и Дедал. Говорят еще, что корабли назывались иначе, а имена Икара и Дедала взяты из древнего мифа. Вряд ли это так. Ибо не Дедал, а тот, кого теперь называют Икаром, первый сказал людям: «Пролегим сквозь Солнце!»

Это было давно. Люди еще робко покидали Землю. Но уже познали они опьяняющую красоту Звездного Мира, и буйный, неудержимый дух открытий вел их к

звездам. И, если погибал один корабль, в Звездный Мир уходили два других. Они возвращались через много лет, опаленные жаром далеких солнц, пронизанные холодом бесконечного пространства. И снова уходили в Звездный Мир.

Тот, кого теперь называют Икаром, был рожден на корабле. Он прожил долгую жизнь, но редко видел Землю. Он летал к Прочиону и Лакайлю, он первым достиг звезды Ван-Маанена. В планетной системе звезды Лейтена он сражался с орохо — самыми страшными из известных тогда существ.

Природа много дала Икару, и он щедро, как Солнце, тратил ее дары. Он был безрассудно смел, но счастье никогда ему не изменяло. Он старился, но не становился старым. И он не знал усталости, страха, отчаяния.

Почти всю жизнь с ним летала его подруга. Говорят, она погибла при высадке на планету в системе Эридана. А он продолжал открывать новые миры и называл их ее именем.

Да, среди тех, кто летал к Звездам, не было человека, равного по отваге Икару. И все-таки люди удивились, когда он сказал: «Пролетим сквозь Солнце!» Даже друзья его — а у него было много друзей — молчали. Разве можно пролететь сквозь раскаленное Солнце? Разве не испепелит безумца огненное светило? Но Икар говорил: «Посмотрите на газосветные трубки. Температура в них — сотни тысяч градусов. Но я беру рукой газосветную трубку и не боюсь обжечься. Ибо вещество внутри трубки находится не в виде газа, жидкости или твердого тела, а в четвертом состоянии — в виде плазмы, в состоянии крайнего разрежения». Ему возражали: «Разве не известно тебе, что внутри Солнца не плазма, а вещество в двенадцать раз более плотное, чем свинец!»

Так говорили многие. Но Икар смеялся: «Это не помешает нам полететь к Солнцу. Мы сделаем оболочку корабля из нейтрита. Даже в центре Солнца плотность будет ничтожно мала по сравнению с плотностью нейтрита. И, подобно стеклу газосветной трубки, нейтрит останется холодным».

Люди не сразу поверили Икару. И тогда ему помог тот, кого теперь называют Дедалом. Он никогда не ле-

тал в Звездный Мир, и только наука открывала ему тайны материи. Холодный, спокойный, рассудительный, он не был похож на Икара. Но если людей не убедили горячие речи Икара, то сухие и точные формулы Дедала сказали всем: «Лететь можно».

В те времена люди уже многое знали о пятом состоянии вещества. Сначала оно было открыто в звездах, названных «белыми карликами». При небольшой величине эти звезды имеют огромную плотность, ибо почти целиком, кроме газовой оболочки, состоят из плотно прижатых друг к другу нейтронов. После первых полетов к спутнику Сириуса, ближайшему к Земле «белому карлику», люди научились получать нейтрит — вещество, состоящее из одних только нейтронов. Плотность нейтрита в сто двадцать тысяч раз превосходила плотность стали и в миллион раз — плотность воды.

Корабли, на которых Икар и Дедал должны были лететь к Солнцу, собирались на внеземной станции. Здесь люди легко могли поднимать листы нейтрита, и работа шла быстро, хотя нейтрит, как сказано, был пятым — сверхплотным — состоянием вещества.

Что же касается самих кораблей, то, говорят, это были лучшие из всех когда-либо отправлявшихся в Звездный Мир. Их могучие двигатели не боялись огненных вихрей Солнца, а огромная скорость позволяла стремительно пролететь сквозь раскаленное светило. И еще говорят, что именно тогда придумал Дедал гравилокацию. Внутри Солнца, в хаосе электронного газа, радио бессильно. Но тяжесть остается тяжестью. Локатор улавливал волны тяготения, и корабли могли видеть.

И вот настал день отлета. С Земли пришло последнее напутствие: «Не сближайте корабли, потому что сила тяжести повлечет их друг к другу. Но и не отходите далеко друг от друга, потому что неосторожного подхватит огненный вихрь и отнесет в центр Солнца».

Рассмеялся Икар, услышав эти слова. Спокойно выслушал их Дедал. И оба ответили: «Будет сделано». Нетерпеливо положил руку на рычаг управления Икар. Внимательно оглядел приборы Дедал. А с Земли передали: «Счастливого пути и великих открытий!» Этими словами уже в те времена Земля прощалась со своими кораблями, уходящими в Звездный Мир.

Так начался полет.

Яростно извергали двигатели белое пламя, и содрогались корабли, набирая скорость. И казалось с Земли — две кометы устремились к Солнцу.

Впервые летел Икар без спутников, потому что никого не разрешили ему взять в свой корабль. Но Икар смеялся над опасностью и, глядя на серебристый экран локатора, пел песню старых капитанов Звездного Мира.

А Дедал не замечал одиночества. Он впервые покинул Землю, но красота Звездного Мира его не волновала. И мысли Дедала, сухие и точные, как формулы, были заняты тайнами материи.

Иногда расчеты Дедала говорили: «Впереди опасность. Внимание!» Но Икар — он летел первым — знал это и без расчетов. Ибо среди тех, кто водил корабли в Звездный Мир, не было капитана опычнее Икара.

Так летели они к сверкающему Солнцу, и люди Земли с трепетом следили за их полетом.

С каждым часом корабли убыстряли свой бег, потому что могучее притяжение Солнца уже простерло навстречу кораблям свои невидимые объятия.

По земному времени истекали пятые сутки полета, когда корабли скрылись в ослепительных лучах Солнца. Последние, уже искаженные, волны радио принесли на Землю обрывок песни старых капитанов и сухой отчет Дедала: «Вошли в хромосферу. Координаты...»

Солнце встретило корабли огненными факелами протуберанцев. словно негодуя на дерзость людей, разъяренное светило выбросило гигантские языки пламени, в сравнении с которыми корабли были как песчинки против горы. В безмолвном гневе рвалось пламя и жадно лизало нейтрит. Но пламя имело ничтожную плотность, и нейтритовая броня оставалась холодной.

Страшнее огненных языков пламени была тяжесть. Незримая, всепроникающая, огромная, она придавила Икара и Дедала. Было так, словно свинец разлился по телу, и каждый вдох требовал отчаянных усилий, и каждый выдох казался последним. Но сильная рука Икара крепко сжимала рычаг управления. А бесстрастные глаза Дедала пристально смотрели на светлые диски приборов.

Тяжесть нарастала.

Солнце хотело раздавить непрошенных гостей. Лихорадочно, из последних сил, бились сердца Икара и Дедала, захлебываясь тяжелой, как ртуть, кровью. Мутная пелена застилала глаза.

Тогда улыбнулся Икар (смеяться он уже не мог) и выключил двигатель, предоставив кораблю свободно падать к центру Солнца. И тяжесть мгновенно исчезла.

На экране локатора — уже не серебристом, а кроваво-красном — увидел Дедал маневр Икара. И, теряя сознание, успел его повторить. Но, едва только исчезла тяжесть, сознание вернулось к Дедалу, и с прежним спокойствием взглянул он на приборы.

С каждой секундой увеличивалась скорость падения. Сквозь огненный вихрь неслись корабли к центру Солнца. Огонь, огонь, бесконечный огонь летел навстречу. Клубились огненные облака, бушевал огненный ветер, и повсюду — сверху и снизу — был огонь.

Трижды погас серебристый экран перед Икаром. Это говорил Дедал: «Пора возвращаться». Но Икар рассмеялся и ответил: «Рано».

Снова летели корабли сквозь огонь. И в бесстрастных глазах Дедала отражались светлые диски приборов. Не было тяжести, но приборы говорили о новой опасности. Быстро, ломая расчеты и предположения, повышалось давление. Плотнее и плотнее становился огненный вихрь. От тяжелых волн огня содрогались корабли. А волны налетали все яростнее и яростнее. И уже не волны, а огненные валы обрушивались на тонкую броню нейтрита.

Вновь погас серебристый экран, предупреждая: «Пора возвращаться!» Но Икар ответил: «Рано».

И он оказался прав. Плотная стена огня сама погасила скорость. Наступил момент — корабли почти замерли среди бушевавших огненных вихрей. Давление преградило путь вперед, тяжесть не позволяла уйти назад.

Не отрываясь смотрел Дедал на светлые диски приборов, ибо они говорили о сокровенных тайнах материи. А Икар пел песню старых капитанов и вспоминал тех, кто шел с ним по дорогам Звездного Мира.

Но Солнце не признало поражения и готовило последний, самый страшный удар. Где-то в недрах Солнца воз-

ник колоссальный вихрь. Он был подобен смерчу, но смерчу в миллионы раз увеличенному, и ярость его не знала предела. Как щепки подхватил он корабли, закружил их, а потом отбросил корабль Дедала.

И было видно Дедалу на серебристом экране, как огненный смерч уносит Икара в глубь Солнца. Молчали двигатели корабля, и не отзывался Икар на призывы.

Понял Дедал: это гибель, и ничто не спасет Икара. Сухие и точные формулы оценили великую силу огненного смерча и сказали Дедалу: «Ты бессилён. Уходи!»

И тогда в глазах Дедала впервые вспыхнуло пламя. Это было всего лишь мгновение, но, подобно взрыву, оно преобразило Дедала. Ибо в это мгновение он почувствовал, что выше формул есть Жизнь, а выше Жизни — гордое звание Человека.

И, рванув рычаг управления, он бросил свой корабль в пылающий смерч.

Ударило пламя двигателей, и огонь, послушный человеку, столкнулся с необузданным огнем Солнца. Обвились вокруг корабля тесные кольца смерча, но Дедал шел вперед, нагоняя корабль Икара.

А смерч бушевал и все сильнее сжимал свои кольца. Дрожала от напряжения нейтритовая броня, и стрелки приборов далеко ушли за красную черту. Но Дедал не видел опасности. Глаза его, горевшие огнем пострашнее огня Солнца, не отрывались от локатора. И было видно на серебристом экране, как приближался корабль Икара.

Еще буйствовал огненный смерч, но притяжение уже подхватило корабли и мягко повлекло их друг к другу. Толчок был едва ощутим, и Дедал увидел на экране: корабли соединились. Теперь даже злобная сила смерча не могла их разлучить. На мгновение погас серебристый экран, и Дедал понял — Икар жив.

Протяжно, надсадно выл двигатель, преодолевая двойную тяжесть. Гремел огненный смерч, сплетаясь кольцами вокруг кораблей. Как обезумевшие, плясали стрелки приборов. И начала раскаляться нейтритовая броня. Но Дедал вел корабли, и сердце его, впервые познавшее счастье, ликовало.

Разорвав тесные кольца смерча, корабли уходили. Все быстрее и быстрее становился их бег. Но вместе со скоростью возвращалась тяжесть. И снова наливалось

тело свинцом, и снова захлебывалось сердце тяжелой, как ртуть, кровью.

Шли корабли сквозь огненный вихрь. Еще бушевало пламя, но уже близок был край Солнца. И светлые диски приборов звали: «Вперед!»

Бешено взвыл двигатель, бросив корабли в последний прыжок. Но тяжесть выхватила из рук Дедала рычаг управления. И не было сил поднять руку, не было сил дотянуться до пульта, на котором тускло мерцали диски приборов.

Замерли корабли, повиснув над пылающей бездной. И сердце Дедала сковал страх. Но чья-то воля приказала кораблям: «Вперед!»

Тогда, забыв о страхе, понял Дедал: это сильная рука Икара легла на рычаг управления.

...Настал день, и люди Земли увидели, как, тесно прижавшись, корабли уходят от Солнца. Перебивая друг друга, заговорили антенны: «С добрыми ли вестями возвращаетесь вы на Землю?» Этими словами уже в те времена люди встречали корабли, приходящие из Звездного Мира.

С волнением ждала Земля ответа. И он пришел. Два голоса пели песню старых капитанов Звездного Мира.

СВЕРХНОВАЯ АРЕТИНА

В первый год периода Чи-хо, в пятую Луну, в день Чи-чу появилась звезда — гостья к юго-востоку от звезды Тиен-Куан...

Она была видна днем, лучи света исходили из нее во все стороны, и цвет ее был красновато-белый. Так была она видна двадцать три дня.

Китайская летопись

Много веков назад к звезде Аретине улетел корабль, который назывался «Изумруд». В те времена люди только прокладывали пути в Звездный Мир, и каждый корабль шел навстречу неведомым опасностям. «Изумруд» достиг звезды Аретины. Но при посадке на планету — единственную в системе этой звезды — произошла катастрофа. Снизаясь, корабль задел ледяной

пик. От страшного удара погиб штурман «Изумруда», был тяжело ранен астроном экспедиции, и лишь капитан корабля остался невредим.

Это была мрачная планета, от полюса до полюса покрытая ледяным саваном. В черном небе тускло светил маленький желтый диск звезды Аретины, и холодные лучи скользили по гигантским глыбам льда. Под одной из таких глыб капитан «Изумруда» похоронил погибшего товарища. И, зарыв ледяную могилу, он дал планете имя «Ор», что означает «Разрушающая».

«Изумруд» был готов к отлету. Но капитан знал: лететь нельзя, ибо раненый не перенесет стартового ускорения.

Так остался «Изумруд» на планете Ор.

Время шло, и раненый поправлялся. Наступил день, когда он смог подойти к своим приборам. Но, едва взглянув в спектроскоп, он закрыл глаза и долго молчал. Потом сказал:

— В звезде Аретине почти нет водорода. Она обречена. Придет мгновение — и это будет скоро, — она вспыхнет, расширится в тысячи раз, изольется огнем. Такова судьба звезд, называемых Сверхновыми. Сила человека велика, но не беспредельна. Никто не сможет предотвратить взрыв Сверхновой. «Изумруд» должен улететь. Оставьте меня здесь.

Покачал головой капитан, услышав эти слова:

— Нет, мы улетим вместе или вместе останемся на планете Ор.

Так нарушил он девятую заповедь звездных капитанов, гласящую: «В Звездном Мире нет ничего страшнее взрыва Сверхновой. Слово миллиарды слившихся солнц, горит Сверхновая. И рвутся раскаленные струи материи, сжигая все на своем пути. Бойтесь Сверхновой, уводите корабли. Иначе — гибель».

С крыла «Изумруда» капитан смотрел на звезду Аретину. Она медленно плыла в темном небе планеты Ор, и холодные лучи света дрожали на острых вершинах ледяных пиков. И видел капитан: по желтому диску звезды, предвещая взрыв, пробегают багровые тени.

В те времена люди почти ничего не знали о Сверхновых, ибо вспыхивают такие звезды крайне редко. Говорят, уже тогда люди мечтали овладеть тайной тайн

Звездного Мира. Но кто мог предугадать, когда и где вспыхивает Сверхновая?..

Капитан «Изумруда» не отходил от приборов. Светился на экранах желтый диск звезды Аретины. Приборы открывали то, что не было известно еще ни одному человеку. И с антенн корабля срывались незримые сигналы: «Люди Земли, люди Земли, нам осталось немного времени, но приоткрыта завеса над тайной тайн Звездного Мира...»

Когда по земному времени наступала ночь, капитан шел к раненому. Он был молод, капитан «Изумруда». Он смеялся, как будто ничего не произошло, и рассказывал предания древней реки Янцзы. Там он родился, и там — тысячелетие назад — люди впервые увидели в небе Сверхновую.

Слушая капитана, астроном вспоминал свою родину — суровый северный край. И лучше бальзама были эти воспоминания, ибо мысли о родине удешевляют силы человека.

А утром капитан возвращался к приборам. Он не знал усталости. Он был молод, капитан «Изумруда».

Шло время. Над ледяными пиками планеты Ор плыла Аретина. Маленький диск ее уже не был желтым. Он горел зловещим красно-белым огнем, потому что звезда раскалялась. И антенны корабля торопливо бросали в эфир: «Люди Земли, люди Земли, мы узнали тайну Сверхновых... В огненных недрах звезды электроны соединяются с протонами, рождая нейтронный шквал. Исчезает электростатическое поле, и бешено рвутся нейтроны к центру светила. Так говорят приборы... Люди Земли, люди Земли, под страшным натиском нейтронов звезда Аретина вспыхнет и взорвется. Наступает последний день планеты Ор...»

И он пришел, последний день планеты Ор.

На черном небе ослепительно горела звезда Аретина. Ее красно-белый диск пульсировал, сжимаясь и расширяясь, и начали рваться в пространство горящие факелы — как огненные руки тянулись они к планете Ор.

Впервые рассеялся мрак над планетой. На экранах дальних локаторов видел капитан, как свет сошел с вершин ледяных пиков и залил планету от полюса до полюса. Бессчетные кристаллы льда отразили и преломили

сверкающие лучи. Планета Ор сияла, как гигантский бриллиант, на черном бархате неба.

И тогда взорвалась звезда Аретина. Огненный диск ее начал стремительно расти — быстрее, быстрее, быстрее... Обрушились раскаленные лучи на планету Ор. И мгновенно погасла сверкающая планета. В безмолвии падали ледяные пики, и содрогалась планета под их ударами. Таял лед, кипела вода, рвался в небо пар.

В хаосе льда, воды и пара «Изумруд» поднимался над гибнущей планетой. На экране было видно: диск Аретины растет — быстрее, быстрее, быстрее... Огненная стена, слепящая, жгущая, шла к планете, и казалось — корабль падает в безбрежный океан огня.

Крепкая рука капитана сжимала штурвал, и смело смотрел он на залитый огнем экран. Он был храбр, капитан «Изумруда». Ибо в те времена звездными капитанами становились лишь храбрые из храбрых. А на Земле уже тогда жили свободные, гордые, смелые люди. И не было среди них трусов.

Без страха вел капитан свой корабль сквозь кипящую атмосферу планеты Ор. На зачерненных экранах слетались багровые вихри, жадно рвались вперед и вперед гигантские всплески огня. Огненная стена Аретины — теперь уже Сверхновой Аретины — приближалась. Неуклонно, неотвратно — и быстрее, быстрее, быстрее...

Бушевал раскаленный океан, словно торжествуя победу. Но капитан держал штурвал, и руки его не дрожали. Он был храбр, капитан «Изумруда».

Корабль набирал скорость. Билась в реакторе плазма дейтерия, и глухо ревели двигатели. «Изумруд» летел туда, где в черном небе спокойно светили звезды. Но сзади — все ближе и ближе — напалзал огненный вал. И не было в Звездном Мире силы, которая могла бы преградить ему дорогу.

Огонь от края до края заполнил экраны, и казалось — уже пылает корабль. Только на экране дальнего локатора дрожал черный диск планеты Ор. И было видно: неумолимый огненный шквал приблизился к обреченной планете. Приблизился — и поглотил ее.

Черный диск мгновенно стал багровым, потом алым, потом вспыхнул синим пламенем. Металась в огне планета Ор, как капля влаги на раскаленном металле. Диск

ее вытянулся, превратился в овал и растекся огненными струями.

Планета Ор погибла за шесть секунд.

Тогда, побледнев, астроном сказал капитану:

— Мы не улетим. Ты должен был оставить меня там и давно уйти в Звездный Мир.

Рассмеялся капитан. И ответил:

— Мы улетим — и улетим вместе. Так будет.

Он вел «Изумруд» в Звездный Мир, а сзади надвигался огненный океан, и жаркое его дыхание опалило корабль. Сверхновая Аретина яростно вздымала горящие валы — все ближе и ближе к «Изумруду».

Стонали от напряжения двигатели — и не могли они ускорить бег корабля. Впереди был Звездный Мир, но уже настигали «Изумруд» огненные волны.

Содрогнулся корабль под их ударами. Тревожно, наперебой заговорили приборы: все несло гибель — температура, излучение, бешеный натиск огня.

И капитан оставил штурвал.

— Это конец, — сказал астроном. — Сила человека велика, но не беспредельна.

Покачал головой капитан:

— Кто знает предел силы человека?

Рука его легла на красный рычаг магнитной защиты реактора. Помедлила, впервые в жизни дрогнула — и потянула рычаг.

Так нарушил он первую заповедь звездных капитанов, гласящую: «Не снимайте в полете магнитную защиту, ибо хотя реакция и ускорится, но станет неуправляемой. И ничто не сможет ее остановить».

Магнитные вихри Сверхновой Аретины ворвались в реактор, и уже не плазма, а стремительные мезоны потекли из раскаленных дюз корабля. Было видно на нестерпимо ярких экранах, как замерла огненная стена. Замерла, а потом начала медленно отдаляться.

Путь в Звездный Мир был открыт.

Но погасли светлые диски приборов, и рука капитана не сжимала штурвала. «Изумруд» уже не подчинялся человеку.

Тогда вновь заговорили антенны. Суров и печален был их голос: «Люди Земли, люди Земли, «Изумруд» уходит в безбрежные пространства Звездного Мира. Бы-

стрее и быстрее гонят корабль вышедшие из повиновения двигатели. Нам не вернуться на Землю... Люди Земли, люди Земли, узнайте же тайну Сверхновых...»

Долго еще говорили антенны. Но слабее и слабее становился их голос. И наконец замер.

А скорость «Изумруда» нарастала, приближалась к скорости света, и опаленный огнем корабль уходил в бездонные просторы Звездного Мира.

* * *

На Земле прошли столетия.

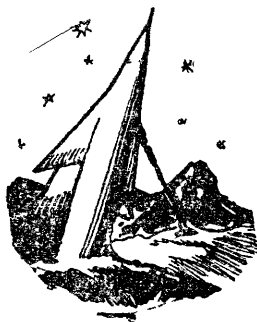
Из года в год, из века в век мощные антенны внеземных станций бросали в Звездный Мир позывные «Изумруда». Но тщетно звала Земля своих сынов. Голоса антенн терялись в безграничных глубинах Звездного Мира. И не было им ответа. Однако антенны вновь и вновь повторяли свои призывы. Ибо люди знали: те, кто совершили подвиг, живы.

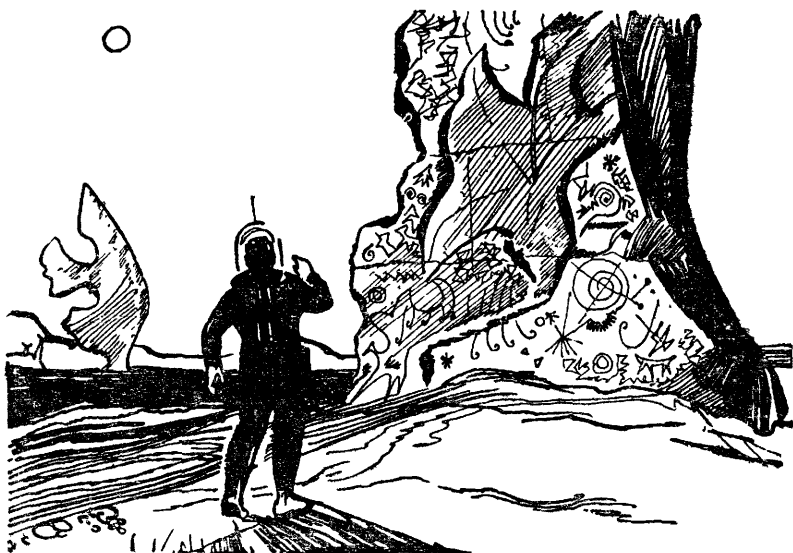
На Земле, как сказано, прошли столетия. Но «Изумруд» летел со скоростью, почти равной скорости света. А строгие формулы утверждают: когда корабль идет с такой скоростью, время на нем замирает.

Люди Земли прожили много веков, и поколения сменялись поколениями. На «Изумруде» же прошло лишь несколько лет: может быть — пять, может быть — восемь.

Так говорят формулы древнего учения, названного когда-то теорией относительности.

Но и без этих формул люди знают: наступит день, и «Изумруд» вернется на Землю. Ибо мудрость поколений гласит: «Совершившие подвиг не старятся и не умирают».

ОГНЕННЫЙ ЦВЕТОК

Прометей. Но кто же ты?
Земля. Я мать твоя, Земля.

Шелли, «Освобожденный Прометей»

Это началось с того, что звездный корабль «Топаз», поврежденный метеоритным ливнем, вынужден был изменить курс и опустился на планету Мот в системе гаснущей звезды Барнарда. Здесь, среди развалин древней цивилизации, капитан «Топаз» впервые нашел обелиск с изображением Огненного Цветка.

С тех пор звездные капитаны часто встречали такие обелиски, потому что люди с планеты Мот еще миллионы лет назад отправляли в Звездный Мир свои корабли и на многих планетах поставили обелиски в честь Огненного Цветка.

Капитаны читали высеченные на этих обелисках надписи и, возвратившись на Землю, рассказывали об Огненном Цветке.

Странные это были рассказы. Странные и волнующие. Говорили, что Огненный Цветок светится в темноте, переливаясь красками подобно полярному сиянию. Говорили, что цветок этот удесят�еряет силы человека, дает долгую жизнь. Говорили, что растущий на Земле женьшень в сравнении с Огненным Цветком не более, как стекло перед алмазом.

Не было среди звездных капитанов такого, который не мечтал бы найти Огненный Цветок. Но никто не знал, где его искать. Однажды капитан «Экватора» высказал мысль, что Огненный Цветок должен расти на горячих планетах, находящихся вблизи звезд. Он был мудр, старый капитан «Экватора». Он справедливо полагал, что только в раскаленной атмосфере могут расти цветы, называемые огненными, ибо при недостатке тепла и света растения окрашены в темные тона.

Дважды проникал «Экватор» к самым горячим из известных тогда планет в системах звезд Альтаир и Прокцион. И оба раза безрезультатно. Испепеленные жгучими лучами планеты были мертвы. На ссохшейся, потрескавшейся почве ничего не росло. Но «Экватор» вновь ушел к горячей планете в системе звезды Лаланда — и уже не вернулся.

Тогда возникли сомнения: там ли нужно искать Огненный Цветок? Капитан «Зодиака», чей скептический ум любил парадоксы, провозгласил, что Огненный Цветок должен расти на холодных, удаленных от своих солнц планетах. «Огненный Цветок светится в темноте подобно рыбам в пучине океана, — говорил капитан «Зодиака» — Надо искать его на планетах, где царит вечная ночь». После этого многие корабли опускались на ледяные вершины замерзших планет. Но в холодном мраке не светилоь ни одного огонька. Лед сковывал планеты, и не было на них жизни.

Упорно искали звездные капитаны неуловимый Огненный Цветок. Ибо уже в те времена люди твердо знали: нет в Звездном Мире ничего, перед чем разум и воля человека были бы бессильны. Шли корабли в Зве-

здный Мир навстречу неведомым опасностям, и ничто не могло остановить звездных капитанов.

Знаменитый капитан «Гранита», человек необыкновенной удачи, нашел на одной из планет в системе звезды Лакайля засыпанный песком обелиск в честь Огненного Цветка. В высеченной на обелиске надписи упоминалась звезда Лейтена. Через несколько лет бесшабашный командир «Тайфуна», тот, что четырежды терпел кораблекрушения, сумел прорваться сквозь сплошное облако астероидов, окружавшее звезду Лейтена, и высадился на единственной в этой системе большой планете. Это была жуткая планета, населенная орохо — самыми страшными существами Звездного Мира. В отчаянных схватках с орохо «Тайфун» продвигался вдоль экватора планеты, пока не удалось найти окаменевшие остатки Огненного Цветка.

Рассказывают, однако, что полвека спустя капитан «Каравеллы», великий знаток Звездного Мира, нашел где-то живой Огненный Цветок. Но «Каравелла» погибла на обратном пути, столкнувшись близ звезды Грумбридж с пылевым скоплением антивещества.

Время шло, и люди почти перестали верить преданиям об Огнном Цветке. Но именно тогда один из звездных кораблей открыл планету, на которой рос Огненный Цветок. Корабль этот назывался «Прометей».

В те времена уже привыкли называть капитанов по именам их кораблей. Это была справедливая традиция, ибо в Звездном Мире жизнь капитана и жизнь корабля составляли одно целое. Если погибал капитан, погибал и его корабль, потому что в опасные рейсы капитаны уходили в одиночку — электронные машины заменяли экипаж.

Капитана, нашедшего Огненный Цветок, называли по имени его корабля — Прометеем. Рассказывают, что он родился в маленькой колонии, основанной людьми на суровой планете Рен в системе звезды Проксима Кита. Рассказывают далее, что только в двадцатилетнем возрасте Прометей впервые попал на Землю. После многих лет, проведенных в тесной рубке корабля, он увидел нашу Землю: зеленые, шумящие под ветром леса, мягкую голубизну неба, седой океанский прибой у скалистых берегов... Он понял, что даже в самом малом

ключке Земли больше жизни и красоты, чем в безграничных межзвездных пропастях. Муравей на дрожащей травинке, капля росы на зеленом листе, журчащий под камнем ручеек — целый мир для человека, умеющего видеть и слышать.

Прометей полюбил Землю и людей. Наверное, это и сделало его поэтом, ибо о чем может слагать стихи человек, не любящий или не знающий красоты своей Земли?

Прометей любил Землю, но он был капитаном и часто уходил в Звездный Мир. Корабль шел к звездам, и с острых антенн срывались и летели сквозь бесконечный мрак сложенные Прометеем трепещущие строки. Их жадно ловили на Земле, потому что в стихах Прометея, как и на Земле, жили сильные и красивые люди, с богатой и щедрой душой.

Трудно говорить из Звездного Мира с Землей: радиоволны гаснут, их развенывают магнитные бури, отклоняют гравитационные поля. И потому шестая заповедь звездных капитанов предостерегает от разговоров, не вызванных необходимостью. Но Прометею — таково было решение всех капитанов — дали право говорить с людьми, когда он хочет. Ибо он был поэтом.

Да, он был поэтом и звездным капитаном. Он по-своему смогнул на Звездный Мир. Другие знали, он еще и чувствовал. И потому в безграничных глубинах Звездного Мира он видел многое, чего другие еще не могли увидеть. Такова привилегия поэта, ибо Искусство всегда идет впереди Науки, проникая на крыльях Фантазии туда, куда Разум еще бессилён проникнуть.

Среди звездных капитанов Прометей был единственным поэтом, и он нашел Огненный Цветок.

Рассказывают, что это произошло так.

Однажды после долгого и грудного полета корабль Прометея приблизился к звезде Феридан. Это была небольшая звезда, похожая на наше Солнце. В системе Феридана оказалось девять планет — как и в нашей солнечной системе. Восемь планет были безжизненными. Поверхность девятой — самой большой — планеты окутывала ионизированная, насыщенная облаками атмосфера. Прометей назвал эту планету Зевсом, потому что Зевс — другое имя Юпитера, крупнейшей планеты в системе Солнца.

В те времена посадка на неизвестную планету грозила смертельной опасностью. Локаторы отказывались работать в ионизированной атмосфере, оптические приборы слепли в плотных облаках. Корабль мог разбиться о скрытые туманом горы, мог упасть в бушующий океан, завязнуть в топком болоте, в зыбучих песках. Прометей не знал, что скрывалось за непроницаемой атмосферой Зевса. Одно только сказали приборы: масса планеты велика, тяжесть на ее поверхности вчетверо превышает земную.

Медленно входил корабль в атмосферу неизвестной планеты. Прометей направлял его так, чтобы подойти к экватору Зевса, ибо вторая заповедь звездных капитанов гласит: «Опускайте свои корабли только на экватор планеты, потому что центробежная сила здесь уравнивает силу тяжести, и корабль сможет легко вернуться в Звездный Мир».

Содрогались от напряжения дюзы. Корабль тормозил, приближаясь к поверхности планеты. Плотнее становилась атмосфера. Яростно пронизывали ее сиреневые острия молний. Рвались навстречу кораблю вихри нагретого воздуха. Видел Прометей, что экраны дальних локаторов покрылись яркими пятнами: это на поверхности Зевса извергали огонь многочисленные вулканы. Сплошные разряды молний наэлектризовали атмосферу, и чем ниже спускался корабль, тем туманнее становилось изображение на экранах локаторов. Только на мгновение прояснился один из экранов дальнего локатора, и Прометей увидел, что на север от экватора, у подножия вулкана, растут светящиеся цветы. И, хотя экран тотчас закрыли мерцающие вспышки, Прометей уже чувствовал, догадывался, знал: там растут Огненные Цветы!

А воздушные вихри с нарастающей силой сжимали титановые борта корабля. Гневалась планета на дерзость пришельца, и бушевал ураган в ее необъятной атмосфере. Корабль шел над черными пропастями, над жерлами вулканов. Сквозь скрученные, истерзанные ураганом тучи пробивались зловещие отблески огня.

Прометей нарушил вторую заповедь звездных капитанов. Он развернул корабль на север, в сторону от экватора, туда, где рос Огненный Цветок. Знал Прометей, что энергии реактора теперь не хватит на взлет. Знал,

На отвесном, черном от пепла утесе горел Огненный Цветок.

что корабль не сможет покинуть грозную планету. Но Прометей, улетая, сказал людям, что достанет Огненный Цветок. Мог ли он отступить?..

Корабль опустился у подножия крутого, скалистого вулкана. Со скалы двумя красно-желтыми реками стекала лава. А между раскаленными потоками, на отвесном, черном от пепла утесе горел Огненный Цветок...

Сейчас их много на Земле, этих Огненных Цветов. Мы привыкли к ним, и все-таки нас вновь и вновь поражает их красота. Да, надписи, прочитанные когда-то звездными капитанами, сказали правду: Огненный Цветок удесатеряет силы человека, просветляет разум, дает долгую жизнь. Разве не потому влюбленный юноша вместо объяснения дарит девушке Огненный Цветок? Разве не потому лучшие свои праздники мы украшаем Огненными Цветами? В них светится огонь, давший когда-то человеку великую силу, Огонь любви... Огонь разума... Огонь жизни...

Прометей был поэтом, и он первым из людей взял в руки Огненный Цветок. Попробуйте же представить себе, что он тогда почувствовал!

Да, красив Огненный Цветок! Узкие его лепестки переливаются мягким светом, краски смешиваются, меняются, то становятся ослепительно яркими, то бледнеют, приобретая прозрачность...

Прав был старый, мудрый капитан «Экватора»: Огненный Цветок вырос в раскаленной атмосфере и вобрал ее силу и краски.

Говорят, что Прометей, сорвав Огненный Цветок, от волнения впервые не мог сложить стихи. Он лишь изменил несколько слов в сказанном до него:

Ты можешь, Зевс, громадой тяжких туч
Накрыть весь мир,
Ты можешь, как мальчишка,
Сбивающий репы,
Крушить дубы и скалы,
Но ни земли моей
Ты не разрушишь,
Ни корабля, который не тобой построен,
Ни этого цветка,

Чей животворный пламень
Тебе внушает зависть

Жадные языки раскаленной лавы лизали утес, подбираясь к титановым бортам корабля. Но Прометей уже положил руку на рычаг управления. Заглушая грозовые раскаты, взревели дюзы. Корабль устремился вверх, в изрезанное молниями небо. И потускнели молнии рядом с ослепительным пламенем, извергнутым мощными дюзами.

Огненный Цветок был похищен у Зевса!

Однако тяжелая расплата ждала Прометея. Корабль не смог вырваться в Звездный Мир. Быстро иссякла энергия реактора, невидимые цепи притяжения сковали корабль, привязали его к планете, превратив в ее спутник.

Так Зевс отомстил Прометею.

Рассказывают, что тысячелетия назад люди придумали миф, похожий на историю Прометея — поэта и звездного капитана. Рассказывают также, что в этом мифе титан, похитивший у богов огонь и отдавший его людям, был за это много веков прикован к скале. Утверждают даже, что похитителя звали Прометеем. Жалкая выдумка! Разве люди оставили бы того, кто принес им огонь! Они ополчились бы на богов. Кто может быть сильнее людей?

Нет, скорее всего здесь какая-то ошибка. Ибо совершенно иначе завершился подвиг Прометея — поэта и звездного капитана.

Люди Земли не оставили человека, похитившего для них Огненный Цветок. Антенны земных станций приняли сигнал бедствия, посланный Прометеем. И тотчас же всем кораблям во всех частях Звездного Мира земные станции послали приказ: «На помощь!» С той минуты, как радиоволны, несущие приказ, касались антенны корабля, капитан — где бы он ни находился — должен был прежде всего думать о спасении Прометея. Таков был смысл приказа.

Вслед за этим земные станции обратились ко всем людям во всех уголках Земли. И в этот час каждый человек, живущий на Земле, сделал для спасения Проме-

тея то, что он мог сделать. Разум всех людей, их знания, опыт, воля, энергия слились в единое целое. Так возник план прорыва к звезде Феридан.

Эскадра из шести мощных кораблей ушла в Звездный Мир. На борту корабля были самые смелые капитаны, самые опытные штурманы, самые искусные инженеры. Капитаны других кораблей, ранее покинувших Землю, спешили навстречу эскадре, чтобы отдать ей энергию своих реакторов. Пополняя запасы энергии, эскадра могла идти на скорости, которой еще никто не достигал.

Как сказано, в эскадре было шесть кораблей. Два корабля получили повреждения от метеоритов и вернулись на Землю. Эскадра же, набирая скорость, шла вперед. Два других корабля не смогли преодолеть магнитное поле у звезды Ван-Маанена и совершили посадку на планеты в системе этой звезды. Эскадра же, набирая скорость, шла вперед. Еще один корабль не выдержал огромной скорости полета и отстал. Но последний из посланных кораблей — на нем был поднят флаг эскадры — пробился к звезде Феридан.

С трудом погасив скорость, он подошел к планете Зевс и передал огромную мощь своего реактора кораблю Прометей.

Разорвав цепи притяжения, оба корабля устремились в Звездный Мир.

А навстречу им уже мчались другие корабли, несущие неизрасходованную энергию.

Так был освобожден Прометей.

Уходя к Земле, он сказал мстительной планете Зевс:

Вот я, гляди! Я создаю людей,
Леплю их
По своему подобию,
Чтобы они, как я, умели
Страдать и плакать,
И радоваться, наслаждаясь жизнью,
И презирать ничтожество твоё
Подобно мне!

Он был поэтом, он похитил у Зевса для людей Огненный Цветок — и потому имел право так говорить.

Помните же все идущие по неизведанным дорогам Звездного Мира: Земля никогда не оставит того, кто совершил подвиг во имя людей.

СОДЕРЖАНИЕ

«Богатырская симфония»	3
Полигон «Звездная река»	21
Генеральный Конструктор	40
Может ли машина мыслить?	
<i>Триггерная цепочка</i>	54
<i>К взлету готов!</i>	58
<i>Первый контакт</i>	62
<i>Странный вопрос</i>	65
<i>«Машина смеялась.»</i>	71
Скучный капитан	75
Легенды о звездных капитанах	
<i>Икар и Дедал</i>	95
<i>Сверхновая Аретина</i>	102
<i>Огненный Цветок</i>	108

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге просим
присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Альтов Генрих Саулович

ЛЕГЕНДЫ О ЗВЕЗДНЫХ КАПИТАНАХ

Ответственный редактор *М. М. Калакуцкая.*

Художественный редактор *Б. А. Дехтерев.*

Технический редактор *Т. В. Перцева.*

Корректора *С. А. Боровская и В. П. Кучерова.*

Сдано в набор 12/VII 1961 г. Подписано к печати 14/XI 1961 г. Формат 84×108^{1/32}. 3,75 п. л. = 6,3 усл. печ. л. (5,77 уч.-изд. л.). Тираж 115 000 экз. А07896.

Цена 27 коп.

Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

Типография «Пунане Тяхт»,
Таллин, ул. Пикк, 54/58, Заказ № 1322.